

ДВѢНАДЦАТАЯ НОЧЬ

или

ЧТО УГОДНО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе Шекспировыхъ произведеній въ частности доведено уже до такой степени, что большой ошибки въ опредѣленіи времени ихъ появленія не можетъ быть сдѣлано. Но еще весьма недавно глубокіе знатоки Шекспира изумлялись неточности въ хронологіи его драмъ и невольно, руководясь извѣстными данными, должны были приходиться къ общимъ и весьма неточнымъ выводамъ. Такъ, на примѣръ, до Колльера, всѣ полагали, что «Двѣнадцатая ночь» была послѣднею пьесою Шекспира, и появилась не ранѣе 1614 года. На этомъ основаніи Шлегель, въ своихъ «Лекціяхъ о драматической поэзіи», сказалъ, разбирая «Двѣнадцатую ночь»: «Если это дѣйствительно послѣдняя пьеса Шекспира, какъ всѣ утверждаютъ, то надо полагать, что онъ до конца обладалъ тою же юностью ума и талантъ его до самой могилы сохранился въ полной своей силѣ». Въ этихъ словахъ знаменитаго критика и тонкаго цѣнителя Шекспира слышится сомнѣніе въ томъ, чтобы разбираемая имъ пьеса была дѣйствительно послѣднею пьесою Шекспира – и это сомнѣніе приноситъ величайшую честь критическому такту Шлегеля. Очевидно, что веселый, шуточный и легкій тонъ «Двѣнадцатой ночи» не подходитъ, по мнѣнію Шлегеля, къ тому настроенію, подъ вліяніемъ котораго написаны были другія пьесы, которыя уже и ранѣе извѣстны въ числѣ послѣднихъ – и, несмотря на возбужденное сомнѣніе, критикъ долженъ былъ удовольствоваться глухимъ хвалебнымъ отзывомъ. Послѣдующія изысканія доказали справедливость сомнѣнія Шлегеля, а въ настоящее время достоверно извѣстно, что «Двѣнадцатая ночь» принадлежитъ къ концу втораго періода дѣятельности Шекспира, характеръ котораго уже былъ очерченъ нами выше. Счастливая находка помогла Колльеру опредѣлить время появленія этой пьесы. Въ 1828 году нашель онъ въ Британскомъ Музеѣ небольшой рукописный дневникъ студента изъ «Middle Temple School», въ которомъ подробно записано все время съ 1601 по 1603 годъ и, между прочимъ, противъ 2-го февраля 1601 года значится: «Въ нашъ праздникъ была у насъ

(слідовательно въ школѣ) представлена пьеса, подѣ названіемъ «Двѣнадцатая ночь или что угодно», очень похожая на Плавтовы «Менехмы» или на «Комедію ошибокъ», но еще болѣе близкая къ той, что по-итальянски называется «Inganni». Этотъ отрывокъ дневника дорогъ не только какъ свидѣтельство современника, точно опредѣляющее время появленія пьесы; онъ, сверхъ-того, указываетъ еще на залу Middle Temple, какъ на одну изъ современныхъ Шекспиру сценъ – обстоятельство тѣмъ болѣе любопытное, что современные Шекспиру театры, «Globe» и «Blackfriars», уже давно не существуютъ, а остальные сцены, на которыхъ въ шекспирово время появлялись его произведенія – неизвѣстны.

Основа «Двѣнадцатой ночи», въ главныхъ чертахъ, заимствована изъ «Исторіи Аполлонія и Силлы», помѣщенной въ сборникѣ рассказовъ Варнавы Ръеча. Но каковъ этотъ источникъ и до чего измѣнилъ Шекспиръ главныя черты его, можно видѣть изъ того небольшого отрывка, который приведемъ мы далѣе. Сущность «Исторіи Аполлонія и Силлы» заключается въ томъ, что герцогъ Аполлоній, послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ войнѣ съ турками, возвращаясь по морю домой со своимъ войскомъ, былъ на пути застигнутъ бурей и прибитъ къ берегамъ Кипра, гдѣ и былъ принятъ ласково Понтомъ, правителемъ названнаго острова. Силла, дочь Понта, до того влюбилась въ Аполлонія, что, послѣ отъѣзда Аполлонія въ Константинополь, рѣшилась, въ сопровожденіи одного слуги, отправиться вслѣдъ за нимъ – и долгое время служила ему, переодѣвшись мужчиною. Послѣ многихъ приключеній, Аполлоній, наконецъ, узнаетъ ее и женится на ней, видя ея безграничную любовь къ себѣ. Но едва ли можно себѣ представить что-нибудь болѣе вялое, болѣе растянутое и скучное, чѣмъ этотъ

498

рассказъ Ръеча. Безпрестанныя повторенія, возвращенія къ предыдущему, мелочность и обиліе излишнихъ, несвязанныхъ съ дѣломъ подробностей, - вотъ отличительныя черты его. Нужно было быть Шекспиромъ, чтобы изъ этой кучи словъ, тяжелыхъ оборотовъ и риторическихъ фигуръ вычитать содержаніе такой прелестной и живой комедіи, какъ «Двѣнадцатая ночь».

Приводимъ отрывокъ изъ книги Ръеча, въ которомъ сведены важнѣйшія подробности его «Исторіи Аполлонія и Силлы», наиболѣе близкія къ содержанію комедіи Шекспира. «Во избѣжаніе непріятностей, какія могли встрѣтиться женщинѣ въ ея положеніи, Силла рѣшилась оставить свой женскій нарядъ и надѣтъ на себя одну изъ тѣхъ одеждъ, въ которыхъ она, будучи принята за мужчину, могла бы перейти черезъ всю страну (Турцію) совершенно безопасно; когда же она перемѣнила платье, *то сочла приличнымъ также перемѣнить и имя*, почему, не подыскавъ никакого другого, она назвалась Сильвіемъ, именемъ своего брата. Такимъ-то образомъ достигла она Константинополя, гдѣ распросила о дворцѣ герцога Аполлонія и представилась герцогу, прося у него дозволенія поступить къ нему въ услуженіе. Герцогъ, очень довольный случаемъ къ поощренію иностранцевъ,

принялъ ее въ услуженіе къ себѣ. Силла почла себя съ той поры болѣе чѣмъ вознагражденною за все то, что случалось съ ней на пути, потому что ей, по крайней мѣрѣ, можно было постоянно видѣть герцога Аполлонія – и такъ была исправна и внимательна къ нему, въ сравненіи съ остальной его прислугой, что герцогъ это вскорѣ замѣтилъ и приказалъ ей находиться при своей особѣ. Въ то же самое время проживала въ Константинополѣ благородная дама, вдова, которой мужъ незадолго передъ тѣмъ скончался, оставивъ женѣ своей большое состояніе. Имя этой леди было Джулина, и она, кромѣ того, что обладала обширными имѣніями и имѣла большіе доходы, еще превосходила всѣхъ константинопольскихъ дамъ своей красотой. За этой то леди Джулиной Аполлоній сталъ ухаживать и, по обычаю всѣхъ влюбленныхъ, не довольствуясь любезностями, скорбными вздохами и жалкой миной, посылалъ къ ней письма съ изъявленіями любви, цѣпочки, браслеты, брошки, кольца, брильянты и мало ли еще какіе подарки... И кому же приходилось носить всѣ эти письма и подарки къ леди Джулинѣ, какъ не Сильвію? Ему только и довѣрялся герцогъ въ сношеніяхъ съ леди... Что же касается Джулины, то ей такъ приглянулся молодой и статный Сильвію, что она почти настолько же влюбилась въ него, насколько его господинъ былъ влюбленъ въ Джулину, а потому, когда однажды Сильвію очень серьезно сталъ говорить ей въ пользу своего господина, Джулина, перебивши его рѣчь, сказала: «Сильвію, ты ужъ довольно говорилъ въ пользу твоего господина, отнынѣ или говори прямо отъ себя, или вовсе ничего не говори». Въ то же время случилось, что настоящій Сильвію, о которомъ говорено было выше, братъ Силлы, вернулся ко двору своего отца на островъ Кипръ. Прослышавъ, что сестра его убѣжала, какъ уже читателямъ извѣстно, предположилъ, что бѣжала она просто изъ любви къ Педро, своему слугѣ, который и дѣйствительно съ нею вмѣстѣ отправился. Сильвію любилъ свою сестру болѣе жизни, и притомъ еще они были такъ похожи другъ на друга, что никто бы не могъ отличить ихъ по лицу, а только по платью видно было, что одинъ изъ нихъ мужчина, а другая - женщина. И вотъ Сильвію поклялся своему отцу, что не только отыщетъ свою сестру, но и отомститъ Педро за предполагаемое имъ низкое похищеніе его сестры. Онъ отправился, объѣхалъ многіе города и мѣстечки, гдѣ не пришлось ему слышать ничего о бѣглецахъ; наконецъ, прибылъ онъ въ Константинополь. Тамъ, гуляя однажды вечеромъ, для собственнаго развлеченія, на прекрасномъ загородномъ гульбищѣ, случайно, повстрѣчался онъ съ леди Джулиной, которая тоже вышла подышать воздухомъ. Взглянувъ на Сильвію, котораго она приняла за стараго знакомаго – такъ какъ онъ былъ очень похожъ на сестру, о чемъ мы уже говорили выше – она сказала ему: «Пожалуйста, позвольте мнѣ кое о чемъ переговорить съ вами, такъ какъ случай свелъ насъ здѣсь». И такъ далѣе – до конца дѣйствіе продолжается и оканчивается точно такъ же, какъ и въ Шекспировой комедіи.

Зная этотъ разсказъ Ръча и всю бѣдность, почти пустоту содержанія его, нельзя не подивиться тому, какъ сумѣлъ Шекспиръ придать прелесть этому содержанію, внеся въ свою комедію нѣсколько новыхъ, живыхъ типовъ и поставивъ ихъ рядомъ съ лицами основнаго разсказа, блѣдными, не прикрѣпленными ни къ какой почвѣ. Эти живыя лица заимствовалъ онъ, по

своему обыкновению, изъ современной ему дѣйствительности; такъ, по крайней мѣрѣ, можно положительно утверждать, что въ сэрѣ Тоби, сэрѣ Андреѣ и въ дуракѣ Оливіи мы должны непременно предполагать людей конца XVI столѣтія. Двое первыхъ – сэръ Тоби и сэръ Андрей – находятся въ самыхъ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что дядя Оливіи далеко превосходитъ ограниченнаго сэра Андрея и умомъ, и способностями: они совершенно равны только въ отношеніи къ

499

тому, что каждый изъ нихъ способенъ выпить. Сэръ Тоби представляетъ собой типъ весельчака и гуляки, привыкшаго считать потеряннымъ тотъ день своей жизни, въ который ему не случилось покутить и выпить съ пріятелями. Пить одинъ онъ не можетъ и считаетъ это даже унижительнымъ для достоинства челоуѣка; но за то попойка въ веселой компаніи составляетъ для него почти существенную потребность. Въ веселой компаніи онъ является именно тѣмъ, что называютъ душою общества, а одинъ постоянно скучаетъ, тяготится своимъ большимъ досугомъ, становится даже брюзгливымъ и грубымъ. Одаренный отъ природы замѣчательнымъ юморомъ, онъ знаетъ себѣ цѣну, умѣетъ высмотрѣть слабыя и смѣшныя стороны людей, умѣетъ и отмѣтить ихъ бойко-подобранномъ словечкомъ; даже заискиваетъ въ такихъ людяхъ. Вотъ почему онъ такъ преклоняется передъ Маріей, этой неистощимо-веселой проказницей, которая любитъ потѣшиться надъ людскою глупостью, вообще, и въ частности такъ уморительно дурачить Мальволю, напыщеннаго глубокимъ уваженіемъ къ своимъ личнымъ достоинствамъ и къ возложенной на него обязанности управителя.

Сэръ Андрей, хотя и считается пріятелемъ сэра Тоби, принадлежитъ къ числу наиболѣе постоянныхъ его собутыльниковъ, однакоже способенъ навести на всякаго ужаснѣйшую скуку своимъ необыкновеннымъ тупоуміемъ, которое дѣлаетъ его сноснымъ только подъ пьяную руку, во время попойки, когда, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, при громкомъ чоканьи кубковъ, среди безсвязнаго говора и порывовъ безпричиннаго смѣха, никто уже не бываетъ способенъ различить ни умнаго отъ глупаго, ни злого отъ добраго. Въ сэрѣ Андреѣ мы видимъ истаго спортсмена, посвящающаго всю свою жизнь, благодаря нѣкоторому достатку, или развлеченіямъ отчаяннаго спорта, или матеріальнымъ удовольствіямъ сытнаго обѣда и богатырской попойки. Впрочемъ, сэръ Андрей является богатыремъ только среди бутылокъ, и совершенно теряется, когда необходимость вынуждаетъ его къ защитѣ своей личности шпагою.

Но самую замѣчательною изъ трехъ вышепомянутыхъ личностей, по особому оттѣнку типа, долженъ, конечно, быть названъ дуракъ Оливіи. Дѣйствительно, ни въ одной изъ Шекспировскихъ пьесъ, въ которыхъ роль дурака (fool) является такъ часто и пользуется такимъ опредѣленнымъ значеніемъ, дуракъ не выставленъ такимъ беззаботно-веселымъ добрякомъ. Дуракъ Оливіи отличается ото всѣхъ остальныхъ Шекспировскихъ дураковъ

именно тѣмъ, что его остроты и шутки вовсе не заключаютъ въ себѣ никакой задней мысли, что онъ рѣшительно не старается обращать ихъ на бичеванье людской глупости и порока, почему и не приправляетъ ихъ ни желчью, ни злобою, ничѣмъ, кромѣ своего природнаго остроумія. Въ немъ всѣ видятъ веселаго собесѣдника и въ минуту грусти, и въ минуту веселья; самъ герцогъ Орсино охотно слушаетъ его пѣсенки – то удалыя, то нѣжныя – которыя онъ, видимо, поетъ съ особымъ искусствомъ и знаніемъ дѣла. Гдѣ бы ни затѣвались проказы и шалости – нигдѣ дѣло не обойдется безъ этого покладливаго дурака, который способенъ провести всѣхъ и cadaго, способенъ даже запугать бѣднягу Мальволио сухимъ, ученымъ и грознымъ тономъ постановленій отца Спиридона. Въ «Двѣнадцатой ночи» встрѣчаемъ мы особый и въ высшей степени замѣчательный типъ дурака: дурака не моралиста (подобнаго тому, котораго мы видѣли въ свитѣ Лира), дурака не исключительно и единственно преданнаго созданію каламбуровъ весьма приличнаго свойства (какимъ дуракъ является въ «Тимонѣ Аѳинскомъ»), а просто веселаго и остраго человѣка, который, закрывая глаза на всѣ темныя стороны жизни, хочетъ видѣть въ ней и видитъ однѣ только свѣтлыя.

Въ настоящее время, вмѣстѣ съ помѣщеннымъ здѣсь, существуетъ всего три перевода этой пьесы на русскій языкъ. Вотъ ихъ полный титуль:

1) Двѣнадцатая ночь или что угодно. *Драма В. Шекспира въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго А. Кронеберга («Отечественныя Записки», 1841, т. XVII, № 7, отд. III, стр. 1-47.)*

2) Крещенская ночь или что хотите. *Шекспира. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера. («Шекспиръ», 1873, ч. VII, стр. 1-93.)* Прозаическій переводъ.

3) Двѣнадцатая ночь. Шекспиръ, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго т. VII.

500

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОРСИНО, герцогъ иллирійскій.

СЕБАСТІАНЪ, молодой дворянинъ, братъ Віолы.

АНТОНІО, капитанъ корабля, другъ Себастіана.

КАПИТАНЪ КОРАБЛЯ, другъ Віолы.

ВАЛЕНТИНЪ } придворные герцога.

КУРІО } }

СЭРЪ ТОБИ БЕЛЧЪ, дядя Оливіи.

СЭРЪ АНДРЕЙ ЭГЧИКЪ.

МАЛЬВОЛІО, управитель Оливіи.

ФАБИАНЪ, служащій при Оливіи.

ДУРАКЪ Оливіи.

ОЛИВІЯ, богатая графиня.

ВІОЛА, влюбленная въ герцога.

МАРІЯ, служанка Оливіи.

Придворные, священникъ, матросы, полицейскіе, музыканты и слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Иллиріи, въ городѣ и на ближайшемъ берегу.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена I.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ: ГЕРЦОГЪ, КУРІО и придворные.

Вдали - музыканты.

ГЕРЦОГЪ.

Когда музыка пища для любви -
Играйте громче, насыщайте душу!
Пусть пресыщенное желанье звуковъ
Отъ полноты зачахнетъ и умреть.
Еще разъ тотъ напѣвь! Онъ словно замеръ!
Онъ обольстилъ мой слухъ, какъ вѣтеръ юга,
Что, вѣя надъ фіалковой грядой,
Уноситъ и приноситъ ароматы.
Довольно - перестаньте! Нѣтъ, ужъ онъ
Не нѣжитъ слухъ, какъ это было прежде.
О, духъ любви, какъ свѣжъ ты, какъ ты живъ!
Какъ океанъ ты принимаешь все.
Но что бъ ни кануло въ твою пучину
Какъ ни было бъ драгоцѣнно, важно,
Цѣна его мгновенно упадетъ.
Любовь такъ преисполнена мечтаній,
Что истинно мечта - одна любовь.

КУРІО.

Хотите ли на травлю, государь?

ГЕРЦОГЪ.

Кого травить мнѣ?

КУРІО.

Лань.

ГЕРЦОГЪ.

Да, я охочусь

За благороднѣйшей моею ланю.
Когда я въ первый разъ Оливію увидѣлъ,
Мнѣ показалось, будто самый воздухъ
Очищенъ отъ губительной заразы
Ея дыханіемъ - и въ то жъ мгновенье
Оленемъ сталъ я, и, какъ злые псы,
Меня съ тѣхъ поръ преслѣдуютъ желанья.

Входитъ В А Л Е Н Т И Н Ъ .

Г Е Р Ц О Г Ъ .

А, вотъ и ты! Ну, что она сказала?

В А Л Е Н Т И Н Ъ .

Осмѣлюсь доложить, что я не видѣлъ
Самой графини. Дѣвушка ея
Ходила къ ней и, возвратясь, сказала,
Что даже небо прежде семи лѣтъ
Ея лица не узреть безъ покрова.
Она монахиней подъ покрываломъ
Рѣшилась жить и келію свою,
Что Божій день, горючими слезами,
Вкругъ окроплять - и это все затѣмъ,
Чтобъ брата мертвую любовь почтить
И въ памяти печальной сохранить
Ее надолго въ свѣжести и силѣ.

Г Е Р Ц О Г Ъ .

Она, въ комъ сердце создано такъ нѣжно,
Что можетъ чтить такъ свято память брата -
О, какъ она полюбитъ, если сонмъ
Живущихъ въ ней желаній умертвить
Стрѣла золотая, если воцарится
На двухъ возвышенныхъ ея престолахъ,
На этихъ милыхъ, нѣжныхъ совершенствахъ
На сердцѣ и умѣ - одинъ властитель!
Впередъ - въ любви свободную обитель!
Сладка мечта любви въ тѣни лѣсовъ,
Среди благоухающихъ цвѣтовъ! (*Уходятъ*).

Сцена II.

Берегъ моря.

Входятъ ВІОЛА, КАПИТАНЪ КОРАБЛЯ и МАТРОСЫ.

ВІОЛА.

Что это за земля, друзья мои?

КАПИТАНЪ.

Иллирія, прекрасная синьора.

ВІОЛА.

Но что же мнѣ въ Иллиріи здѣсь дѣлать?
Мой братъ въ поляхъ Элизіума бродитъ!
Но, можетъ-быть, онъ живъ - не утонулъ?
Какъ думаете вы?

КАПИТАНЪ.

Вѣдь, вы спаслись же!

ВІОЛА.

О, бѣдный братъ! Но, можетъ быть, и онъ
Не утонулъ, а спасся тоже?

КАПИТАНЪ.

Да -

И чтобы васъ возможностью утѣшить,
Я вотъ что расскажу: когда корабль
Разбился о скалу и вы, спасаясь,
Вотъ съ ними плыли на ладью, я видѣлъ,
Какъ смѣлый братъ вашъ, бодро сохраняя
Въ опасности присутствіе ума,
Связалъ себя съ огромнѣйшею мачтой:
Его учили смѣлость и надежда.
Какъ на хребтѣ дельфина Аріонъ,
Онъ твердо сохранялъ съ волнами дружбу,
Пока я взоромъ могъ за нимъ слѣдить.

ВІОЛА (*бросая кошелекъ*).

Возьми за эту вѣсть. Съ моимъ спасеньемъ
Въ душѣ моей воскресла и надежда;
Твои жъ слова ее питаютъ. Онъ,
Быть-можетъ, живъ! Ты эту землю знаешь?

КАПИТАНЪ.

И очень хорошо. Недалеко
Отсюда я родился и воспитанъ.

ВІОЛА.

А кто здѣсь царствуетъ?

КАПИТАНЪ.

Названьемъ
И сердцемъ вѣрнымъ благородный герцогъ.

ВІОЛА.

А какъ зовутъ его?

КАПИТАНЪ.

Орсино, донна.

ВІОЛА.

Орсино? Да, я помню, мой отецъ
Его не разъ такъ называлъ. Тогда
Еще онъ холостъ былъ.

КАПИТАНЪ.

Да и теперь,
Или по крайней мѣрѣ незадолго,
Не дальше, какъ за месяцъ, я оставилъ
Иллирію; тогда носился слухъ -
Вы знаете, что малые не прочь
Болтать о томъ, что дѣлаютъ большіе -
Что ищетъ онъ Оливіи руки.

ВІОЛА.

Но кто она?

КАПИТАНЪ.

Дочь графа, и дѣвица,
Исполненная всякихъ совершенствъ.
Графъ умеръ годъ тому назадъ, ее
Оставивши на попеченье брата,
Который также кончилъ жизнь; графиня жъ,
Любя его горячею любовью,
Отъ общества мужского отеклась.

ВІОЛА.

О если бы я ей служить могла
И званіе мое передъ людьми
Скрывать, пока мой планъ созрѣетъ!

КАПИТАНЪ.

Это
Исполнить не легко. Всѣмъ предложеньямъ,
И даже герцогскимъ, она не внимлетъ.

ВІОЛА.

Ты вѣжливъ въ обращенїи, капитанъ.
И, несмотря на то, что очень часто
Природа подъ изящной скорлупой
Скрываетъ смерть, мнѣ вѣрится охотно,
Что благородная твоя осанка
Въ гармонїи съ прекрасною душой.
Прошу тебя - за исполненье просьбы
Я щедро награжу - сокрой, кто я,
И помоги мнѣ отыскать одежду,
Приличную для плана моего.
Я герцогу хочу служить. Ему
Меня представишь ты, какъ музыканта.
Твой трудъ не пропадетъ напрасно: я
Умѣю пѣть, умѣю восхищать
Игрой на лютнѣ и способна къ службѣ.
Все остальное - время довершить,
Лишь помолчи объ умыслѣ моемъ.

КАПИТАНЪ.

Я буду нѣмъ: вы будете пѣвцомъ -
Иль слѣпота меня да поразить!

ВЮЛА.

Прекрасно! Такъ веди же дальше! (*Уходятъ.*)

Сцена III.

Комната въ домѣ Оливїи.

Входятъ сэръ Тоби Белчъ и Марїя.

СЭРЪ ТОБИ. Кой чортъ вздумалось моей племянницѣ такъ огорчаться смертью своего брата? Рѣшено: горе - врагъ жизни.

МАРІЯ. Право, сэръ Тоби, вамъ бы слѣдовало пораньше возвращаться домой. Барышня, племянница ваша, сильно возмущается вашими полуночными визитами.

СЭРЪ ТОБИ. Такъ пусть возмущается себѣ, пока противъ нея самой не возмутились.

502

МАРІЯ. Однако, порядочная жизнь вамъ бы больше пристала.

СЭРЪ ТОБИ. Больше пристала? Да къ чему мнѣ рядиться? Я и такъ порядочно одѣтъ. Этотъ кафтанъ на столько хорошъ, что въ немъ можно пить, и сапоги тоже - или чтобъ имъ подавиться собственными голенищами!

МАРІЯ. Бражничанье да гулянье доканаютъ васъ. Барышня еще вчера объ этомъ говорила, да еще о какомъ-то Иванушкѣ-дурачкѣ, котораго вы какъ-то вечеркомъ приводили къ ней свататься.

СЭРЪ ТОБИ. О комъ это? объ Андреѣ Эгчикѣ?

МАРІЯ. Да.

СЭРЪ ТОБИ. Да онъ не хуже кого другого въ Иллиріи.

МАРІЯ. Какое кому до этого дѣло?

СЭРЪ ТОБИ. Да, вѣдь, онъ получаетъ въ годъ 3000 червонныхъ.

МАРІЯ. Всѣ его червонцы стануть ему развѣ на годъ: онъ дуракъ и мотъ.

СЭРЪ ТОБИ. И какъ ты только можешь такъ говорить? Онъ играетъ на басѣ и знаетъ три-четыре языка наизусть слово-въ-слово и многимъ еще кое-чѣмъ одаренъ отъ природы.

МАРІЯ. Да, правда, порядочно одуренъ. При всей своей глупости, онъ еще и забіяка; и не имѣй онъ дара трусости для усмиренія удалства - такъ умныя головы думаютъ, что ему бы скоро свернули шею.

СЭРЪ ТОБИ. Клянусь кулакомъ моимъ, тотъ лжець и мерзавецъ, кто такъ отзывается о немъ! Кто они?

МАРІЯ. А тѣ самые, которые утверждаютъ, что онъ каждый вечеръ напивается съ вами до-пьяна.

СЭРЪ ТОБИ. Конечно, за здоровье моей племянницы. Я до тѣхъ поръ буду пить за нее, пока въ глотку льется и есть еще вино въ Иллиріи. Собака и свинья, кто не пьетъ въ честь моей племянницы до тѣхъ поръ, пока мозгъ у него не пойдетъ кубаремъ. Тише, красотка! *Castiliano volto!* Сэръ Андрей Эгчикъ идетъ.

Входитъ сэръ Андрей Эгчикъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Сэръ Тоби Белчъ! Какъ поживаешь, сэръ Тоби Белчъ?

СЭРЪ ТОБИ. Дружище, сэръ Андрей!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Здравствуй, красавица!

МАРІЯ. Здравствуйте, сударь.

СЭРЪ ТОБИ. Приступай, сэръ Андрей, приступай!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Кто это?

СЭРЪ ТОБИ. Горничная моей племянницы.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Милая мамзель Приступай, мнѣ хочется ближе съ тобою познакомиться.

МАРІЯ. Мое имя Марія, сударь.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Милая Марія Приступай!

СЭРЪ ТОБИ. Ты не такъ меня понялъ, братецъ. *Приступай* – значитъ: разговорись съ нею, атакуй ее. Маршъ на приступъ!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Клянусь честью, въ этомъ обществѣ я не рѣшился бы сдѣлать это. Такъ это значитъ - *приступай*?

МАРІЯ. Мое почтеніе, господа.

СЭРЪ ТОБИ. Если она такъ уйдетъ, сэръ Андрей, такъ чтобъ тебѣ никогда не обнажать шпаги!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Если ты такъ уйдешь, такъ чтобъ мнѣ никогда не обнажать шпаги! Чтожъ ты, милочка, думаешь, что водишь дураковъ за носъ?

МАРІЯ. Нѣтъ, сударь, я васъ не вожу за носъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Такъ будешь водить, - вотъ моя рука.

МАРІА. Мысли свободны, сударь, прошу васъ, снесите вашу руку въ буфетъ: пусть она напьется.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Это зачѣмъ, мой сахаръ? Что значитъ эта метафора?

МАРІА. Она суха, сударь.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Еще бы! я думаю: я не такой осель, чтобы не умѣть держать руки сухими. Но что значитъ твоя шутка?

МАРІА. Она суха сударь.

СЭРЪ АНДРЕЙ. А у тебя много такихъ?

МАРІА. Да, сударь; у меня онѣ накончикахъ пальцевъ. Ну, теперь примите вашу руку, - съ меня нечего взять.

(Уходитъ.)

СЭРЪ ТОБИ. О, рыцарь, тебѣ нужно бы стаканъ канарскаго! Падалъ ли ты когда-нибудь такъ ужасно?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Никогда, кажется, даже тогда, какъ канарское сбивало меня съ ногъ. Мнѣ сдается, что иногда во мнѣ не больше остроумія, чѣмъ въ обыкновенномъ человѣкѣ. Но я ѣмъ очень много говядины - и это вредитъ моему остроумію.

СЭРЪ ТОБИ. Безъ сомнѣнія.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Если бы я это думалъ, я бы зарекся ѣсть ее. Завтра я поѣду домой, сэръ Тоби.

СЭРЪ ТОБИ. Pourquoi, любезный Андрей?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Что такое pourquoi: поѣзжай или нѣтъ? Жаль, что я не употребилъ на языки времени, которое ушло на фехтованье, танцы и травлю лисицъ. Ахъ, что бы мнѣ заняться искусствами!

503

СЭРЪ ТОБИ. О, тогда голова твоя прекрасно была бы убрана волосами!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Какъ-такъ? развѣ они исправили бы волоса мои?

СЭРЪ ТОБИ. Безъ сомнѣнія! Ты видишь, отъ природы они не хотятъ виться.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Однако они все-таки мнѣ очень къ лицу - не правда ли?

СЭРЪ ТОБИ. Чудесно! Они висятъ, какъ лень на прялкѣ, и я надѣюсь дожить еще до того, что какая-нибудь баба возьметъ тебя между колѣнъ и начнетъ ихъ прясть.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Ей-богу, я поѣду завтра домой, сэръ Тоби. Твоя племянница не хочетъ показываться. Да если бы и показалась, такъ можно держать десять противъ одного, что я ей не понравлюсь. Самъ герцогъ здѣсь добивается ея руки.

СЭРЪ ТОБИ. Она не хочетъ, никакого герцога, такъ какъ не желаетъ выйти за человѣка, который выше ея званіемъ, лѣтами и умомъ. Я самъ слышалъ, какъ она клялась въ этомъ. Веселѣй, братъ! Еще не все пропало.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Такъ я останусь еще на мѣсяць. Я человѣкъ съ самымъ страннымъ устройствомъ души: иногда меня только и занимають маскарады да поѣздки.

СЭРЪ ТОБИ. Неужели ты годенъ на эти глупости?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Да такъ же, какъ и всякій другой въ Иллиріи, будь онъ кто угодно, лишь бы не былъ знатнѣе меня; а со старшими я сравнивать себя не хочу.

СЭРЪ ТОБИ. Зачѣмъ же скрываются эти таланты? Зачѣмъ завѣса опущена предъ этими дарами? Или, можетъ-быть, ты боишься, чтобъ они не запылились, какъ картины миссисъ Малль? Почему ты не идешь въ театръ галопадомъ и не возвращаешься въ присядку? Я на твоемъ мѣстѣ не ходилъ бы иначе, какъ à pas de rigaudon. Что съ тобой сдѣлалось? Развѣ нынѣшній свѣтъ таковъ, чтобъ держать подъ спудомъ свои добродѣтели? Глядя на прекрасное устройство твоихъ ногъ, я всегда думалъ, что ты родился подъ созвѣздіемъ Бычка.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Да, нога мощная, и въ чулкѣ огненнаго цвѣта не дурна. Не приняться ли за стаканы?

СЭРЪ ТОБИ. А что намъ больше дѣлать? Развѣ мы не родились подъ созвѣздіемъ Козерога?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Козерога? Это знаменуетъ толчки и драку.

СЭРЪ ТОБИ. Нѣтъ, дружище, это означаетъ прыжки и пляску. Ну, покажи свои скачки: валяй! выше! Э-ге, чудесно!

(Уходятъ.)

Сцена IV.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ ВАЛЕНТИНЪ и ВІОЛА *въ мужскомъ платьѣ.*

ВАЛЕНТИНЪ. Если герцогъ всегда будетъ такъ милостивъ, Цезаріо, такъ вы далеко пойдете: всего три дня, какъ васъ знаетъ - и вы уже не чужой.

ВІОЛА. Вы опасаетесь или непостоянства съ его стороны, или небрежности съ моей, если сомнѣваете въ продолженіи его благосклонности. Что? онъ непостояненъ въ своихъ милостяхъ?

ВАЛЕНТИНЪ. Нѣтъ, нисколько.

Входятъ: ГЕРЦОГЪ, КУРІО *и свита.*

ВІОЛА.

Благодарю; но вотъ и графъ идетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Скажите, гдѣ Цезаріо? гдѣ онъ?

ВІОЛА.

Я здѣсь, къ услугамъ вашимъ, государь.

ГЕРЦОГЪ *(свितѣ).*

Вы станьте здѣсь поодаль всѣ покамѣсть.
Цезаріо, ты знаешь все: тебѣ
Я въ книгѣ сердца моего открылъ
Страницы глубочайшихъ тайнъ. Бѣги,
Лети къ ней, милый другъ, не принимай
Отказовъ никакихъ, стой у дверей, скажи,
Что корни въ полъ нога твоя пустила,
Что не уйдешь, пока ее не видѣль...

ВІОЛА.

Однакожъ, государь, когда тоскѣ
Она дѣйствительно такъ предалась,
Какъ говорятъ - она меня не впустишь.

ГЕРЦОГЪ.

Шуми, будь дерзокъ лучше, чѣмъ оставить
Безъ исполненія твое посольство.

ВІОЛА.

Положимъ, государь, что мнѣ удастся
Съ ней говорить - тогда что?

ГЕРЦОГЪ.

О! тогда
Раскрой предъ ней весь пылъ моей любви
И изуми разговоромъ обо мнѣ.
Тебѣ излить тоску мою пристало:
Тебя она скорѣе станѣтъ слушать,
Чѣмъ стараго посла съ лицомъ суровымъ.

ВІОЛА.

Не думаю.

ГЕРЦОГЪ.

Повѣрь мнѣ, милый другъ:
Тотъ наклевететъ на твою весну,
Кто скажетъ, что ты мужъ. Уста Діаны
Не мягче, не алѣй; твой голосокъ,

Какъ голосъ дѣвушки, и чистъ, и звученъ;
Какъ женщина, ты созданъ весь. Я знаю,
Твоя звѣзда посольству твоему
Благопріятна. Четверо изъ васъ

Пусть съ нимъ идуть. Ступайте хоть и всѣ,
Когда угодно. Мнѣ дышать тѣмъ легче,
Чѣмъ менѣе вокругъ меня людей.
Окончи счастливо твое посольство -
Свободенъ будешь ты, какъ твой монархъ,
И съ нимъ раздѣлишь все.

ВІОЛА.

Я постараюсь
Все сдѣлать, чтобъ графиню покорить.
(Тихо.) О, какъ я ни стараюсь, все страдаю!
Его женой сама я быть желаю. (Уходятъ.)

Сцена V.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ МАРІЯ и ДУРАКЪ.

МАРІЯ. Ну, говори же, гдѣ ты таскался, или я и на волосъ не открою рта для твоего извиненія. Барышня прикажетъ тебя повѣсить за отлучку.

ДУРАКЪ. По-мнѣ - пожалуй. Кто на этомъ свѣтѣ хорошо повѣшенъ, тому нужно не бояться знаменъ.

МАРІЯ. Почему такъ?

ДУРАКЪ. А потому, что онъ не увидитъ ни одного знамени.

МАРІЯ. Жалкій отвѣтъ! А я могу сказать тебѣ, откуда взялось выраженіе «не боюсь никакихъ знаменъ.»

ДУРАКЪ. Откуда, добрая госпожа Марія?

МАРІЯ. Отъ войнъ. И ты это можешь смѣло повторять въ твоей глупости.

ДУРАКЪ. Да, надѣли, Господи, мудростью мудрыхъ, а дурачье пусть себѣ отдають въ ростъ свои таланты.

МАРІЯ. Тебя все-таки повѣсятъ за то, что ты шатался такъ долго, или выгонять вонъ; а развѣ это для тебя не все равно, что повѣсятъ?

ДУРАКЪ. Хорошо висѣть лучше, чѣмъ худо жениться. А что до того, что меня прогонять, такъ мнѣ все равно, покамѣстъ на дворѣ лѣто.

МАРІЯ. Такъ тебѣ не нужна моя помощь?

ДУРАКЪ. Зачѣмъ? У меня и своихъ пара помочей.

МАРІЯ. Для того, что когда одна лопнетъ, такъ другая будетъ держать; а если обѣ лопнутъ, то ты потеряешь панталоны.

ДУРАКЪ. Ловко! ей-богу, ловко! Продолжай, продолжай! Если сэръ Тоби оставитъ пьянство, то ты будешь самой остроумной изъ дочерей Евы во всей Иллирії.

МАРІЯ. Тише, шутъ! ни слова больше! Тебѣ не худо бы извиниться, какъ слѣдуетъ.

(Уходитъ.)

ДУРАКЪ. Остроуміе, если на то будетъ воля твоя, то помоги мнѣ въ доброй шуткѣ! Умные люди, которые думаютъ, что обладаютъ тобою, часто остаются въ дуракахъ; а я, который увѣренъ, что не имѣю тебя, могу прослыть за мудреца, ибо что говорить Квинапаль? – «Мудрый глупецъ лучше глупаго мудреца».

Входятъ Оливія и Мальволио.

ДУРАКЪ. Желая здравствовать, сударыня!

ОЛИВІЯ. Выведите глупость вонъ!

ДУРАКЪ. Слышите вы? выведите вонъ графиню!

ОЛИВІЯ. Поди, ты, сухой дуракъ! Я тебя знать не хочу, да, кромѣ того, ты еще начинаешь худо вести себя.

ДУРАКЪ. Два недостатка, мадонна, которые можно уничтожить питьемъ и добрымъ совѣтомъ. Дайте сухому дураку напитокъ - онъ не будетъ сухъ. Посовѣтуйте дурному человѣку исправиться - и если исправится, то онъ уже не дурной человѣкъ; если же онъ уже не можетъ исправиться, то пусть его портной заштопаетъ. Вѣдь, что не исправлено, все только штопано. Проступившаяся добродѣтель штопана грѣхомъ; исправившійся грѣхъ штопанъ добродѣтелю. Годится этотъ простой выводъ - хорошо, нѣтъ - что дѣлать! Истинный рогоносецъ - только несчастье, а красота - цвѣтокъ. Графиня хотѣла, чтобъ вывели глупость, и я повторяю: выведите графиню вонъ!

ОЛИВІЯ. Я хотѣла, чтобы тебя вывели, почтеннѣйшій.

ДУРАКЪ. Жестокая ошибка, сударыня: Cucullus non facit monachum, то-есть: мой мозгъ не такъ пестръ, какъ мой кафтанъ. Добрѣйшая мадонна, позвольте доказать, что вы дура.

ОЛИВІЯ. Можешь ли ты это сдѣлать?

ДУРАКЪ. И очень, мадонна!

ОЛИВІЯ. Доказывай.

ДУРАКЪ. Но я долженъ сперва проэкзаменовать васъ, мадонна. Отвѣчайте мнѣ...

ОЛИВІЯ. Пожалуй. За недостаткомъ лучшаго развлечения, я послушаю твои доказательства.

ДУРАКЪ. Добрѣйшая мадонна, о чемъ грустишь ты?

ОЛИВІЯ. Добрый дуракъ, о смерти моего брата.

ДУРАКЪ. Я думаю, душа его въ аду, мадонна.

ОЛИВІЯ. Я знаю, дуракъ, что душа его на небесахъ.

ДУРАКЪ. Тѣмъ больше ты дура, если грустишь о томъ, что душа брата твоего на небесахъ. Эй, вы! выведите глупость вонъ!

ОЛИВІЯ. Что ты думаешь объ этомъ дуракъ - Мальволио? Не становится ли онъ лучше?

МАЛЬВОЛІО. Конечно – и будетъ совершенствоваться до послѣдняго издыханія. Старость приводитъ въ упадокъ умнаго человѣка, а дурака – совершенствуетъ.

ДУРАКЪ. Ниспошли же тебѣ Господи раннюю старость, и глупость твоя да расцвѣтетъ во всей красѣ! Сэръ Тоби поклянется, что я не лисица, но ни гроша не прозакладуетъ, что ты не дуракъ.

ОЛИВІЯ. Что ты на это скажешь, Мальволіо?

МАЛЬВОЛІО. Я удивляюсь, какъ ваше сіятельство можете находить удовольствіе въ такомъ бездарномъ мерзавцѣ! Я видѣлъ давеча, какъ простой дуракъ, въ которомъ столько же мозга, какъ въ палкѣ, вышибъ его изъ сѣдла. Смотрите, онъ уже потерялся; если вы не смѣетесь и не доставляете ему случая для остротъ, такъ у него ротъ зашить. Ей-ей, умные люди, которые смѣются надъ этими заказными дураками, не что иное, какъ паяцы этихъ же дураковъ.

ОЛИВІЯ. О, ты боленъ самолюбіемъ, Мальволіо, и вкусъ твой совершенно испорченъ. Кто благороденъ, невиненъ и одаренъ свободою мысли, тотъ принимаетъ за мыльные пузыри эти выходки, въ которыхъ ты видишь пушечныя ядра. Привилегированный дуракъ не клеветаетъ, хотя бы безпрестанно насмѣхался, такъ же какъ человѣкъ, извѣстный за умнаго, не насмѣхается, хотя бы всегда осуждалъ.

ДУРАКЪ. Да ниспошлетъ тебѣ Меркурій даръ краснорѣчія за то, что ты хорошо говоришь въ пользу дураковъ.

МАРІЯ *возвращается.*

МАРІЯ. Сударыня, тамъ у дверей какой-то молодой человѣкъ: онъ очень желаетъ съ вами говорить.

ОЛИВІЯ. Онъ отъ графа Орсино, не правда ли?

МАРІЯ. Не знаю, сударыня: статный молодой человѣкъ и съ знатною свитою.

ОЛИВІЯ. Кто же его удерживаетъ?

МАРІЯ. Сэръ Тоби, сударыня, вашъ дядюшка.

ОЛИВІЯ. Пожалуйста, уведи его: онъ вѣчно говоритъ, какъ сумасбродъ. (*Марія уходитъ.*) Ступай, Мальволіо – и если это посоль отъ графа, такъ я больна, или меня нѣтъ дома. Скажи, что хочешь, лишь бы отвязаться. (*Мальволіо уходитъ. Дураку.*) Видишь, какъ твои шутки старѣютъ и надоѣдаютъ?

ДУРАКЪ. Ты же за насъ говорила, мадонна, какъ будто старшему сыну твоему быть дуракомъ: но да набьютъ боги биткомъ его черепъ мозгомъ, понеже вотъ одинъ изъ твоей роденьки, у котораго очень слабая *pia mater*.

Входитъ СЭРЪ ТОБИ.

ОЛИВІЯ. Право, онъ полупьянъ. Кто тамъ у дверей, дядюшка?

СЭРЪ ТОБИ. Человѣкъ.

ОЛИВІЯ. Человѣкъ? Какой человѣкъ?

СЭРЪ ТОБИ. Человѣкъ тамъ... (*Икаетъ.*) Чортъ возьми эти селедки! (*Дураку.*) Ты что, болванъ?

ДУРАКЪ. Почтеннѣйшій сэръ Тоби...

ОЛИВІЯ. Дядюшка, дядюшка, такъ рано и уже въ такомъ непристойномъ видѣ.

СЭРЪ ТОБИ. Недостойномъ? Велика важность! Тамъ кто-то у дверей.

ОЛИВІЯ. Ну, хорошо; да кто же?

СЭРЪ ТОБИ. По мнѣ, хоть самъ чортъ, если ему угодно. Мнѣ что за дѣло? Ужь повѣрьте мнѣ, говорю я. Э! все на одно выходитъ! (*Уходитъ.*)

ОЛИВІЯ. Съ чѣмъ можно сравнивать пьянаго?

ДУРАКЪ. Съ утопленникомъ, дуракомъ и бѣшенымъ. Первый глотокъ сверхъ жажды дѣлаетъ его дуракомъ, второй - бѣшенымъ, а третій - утопленникомъ.

ОЛИВІЯ. Ступай же за полицейскимъ, пусть освидѣтельствуютъ дядюшку: онъ уже въ третьей степени пьянства - онъ утонулъ. Ступай, присмотри за нимъ.

ДУРАКЪ. До сихъ поръ онъ еще только бѣшенный, мадонна - и дуракъ будетъ смотрѣть за бѣшенымъ. (*Уходитъ.*)

МАЛЬВОЛІО *возвращается.*

МАЛЬВОЛІО. Сударыня, этотъ молодой человекъ клянется, что долженъ говорить съ вами. Я сказалъ ему, что вы нездоровы; но онъ увѣряетъ, что уже слышалъ объ этомъ и потому именно пришелъ говорить съ вами. Я сказалъ, что вы спите - и это онъ какъ-будто зналъ уже напередъ и утверждаетъ, что за тѣмъ-то и пришелъ поговорить съ

506

вами. Что ему сказать, сударыня? Онъ вооруженъ противъ всякаго отказа.

ОЛИВІЯ. Скажи ему, что я не хочу съ нимъ говорить.

МАЛЬВОЛІО. Я это уже говорилъ ему, да онъ увѣряетъ, что будетъ стоять у дверей, какъ будка часового, пока вы его не допустите.

ОЛИВІЯ. Какого же рода этотъ человекъ?

МАЛЬВОЛІО. Мужского.

ОЛИВІЯ. Ну, а какого рода мужчина?

МАЛЬВОЛІО. Очень дерзкаго. Волею или неволею, онъ непременно хочетъ говорить съ вами.

ОЛИВІЯ. Его лѣта, наружность?

МАЛЬВОЛІО. Не довольно старъ для мужа, не довольно молодъ для мальчика; ни рыба, ни мясо, такъ - на межѣ мужа и мальчика. Лицомъ смазливъ и говоритъ дерзко, точно матушкинъ сынокъ.

ОЛИВІЯ. Впусти его, да позови Марію.

МАЛЬВОЛІО (*кричитъ*). Марія, графиня зоветъ! (*Уходитъ.*)

МАРІЯ *возвращается.*

ОЛИВІЯ. Подай мнѣ вуаль и накинь ее на меня: попробую еще разъ выслушать посольство Орсино.

Входитъ ВІОЛА со свитою.

ВІОЛА. Кто изъ васъ благородная хозяйка этого дома?

Оливія. Обратитесь ко мнѣ, я хочу отвѣчать за нее. Что вамъ угодно?

Віола. Вселучезарнѣйшая, превосходнѣйшая, несравненнѣйшая красота, прошу васъ покорнѣйше сказать мнѣ, кто здѣсь хозяйка? Я никогда ее не видалъ, и потому мнѣ бы не хотѣлось промахнуться съ моею рѣчью, такъ какъ кромѣ того, что она мастерски изложена, мнѣ еще стоило большого труда выучить ее наизусть. Красавицы мои, не насмѣхайтеся надо мной: я очень чувствителенъ – малѣйшее неуваженіе меня раздражаетъ.

Оливія. Откуда вы, сударь?

Віола. Я могу вамъ рассказать немного больше того, что я выучилъ, а этого вопроса нѣтъ въ моей роли. Увѣрьте меня въ томъ, моя красавица, что вы дѣйствительно хозяйка, чтобъ я могъ продолжать рѣчь мою.

Оливія. Вы актеръ?

Віола. Нѣтъ, мое сокровенное сердце. И при всемъ томъ клянусь вамъ всѣми крючками хитрости, я не то, что представляю. Вы ли хозяйка?

Оливія. Если не слишкомъ много беру на себя, такъ я.

Віола. Дѣйствительно, если это вы, то вы много на себя берете. Что въ вашей волѣ дать, въ томъ отказать вы не властны. Впрочемъ, это не принадлежитъ къ моему порученію. Итакъ, я буду продолжать похвальное вамъ слово, а потомъ поднесу зерно моего посольства.

Оливія. Къ дѣлу; что же касается похвальнаго слова, то я васъ освобождаю отъ него.

Віола. Ахъ да... а я убилъ столько труда, чтобъ выучить его наизусть, и слово мое такъ поэтически изложено.

Оливія. Потому-то оно и вымышленно. Пожалуйста, поберегите его для себя. Я слышала, что вы неприлично вели себя у моихъ дверей и впустила васъ больше затѣмъ, чтобъ подивиться вамъ, чѣмъ слушать ваши рассказы. Если вы не безразсудны, то - удалитесь; если вы умны, то укоротите рѣчь свою. Сегодня я не расположена быть дѣйствующимъ лицомъ въ подобномъ странномъ разговорѣ.

Марія. Угодно вамъ сняться съ якоря? Вотъ дорога.

Віола. Нѣтъ, милый юнга, я еще здѣсь покрейсирую. Усмирите немного вашего великана, принцесса!

Оливія. Говорите, что вамъ угодно?

Віола. Я - посланный.

Оливія. Вѣроятно, вы должны сказать мнѣ ужасную вѣсть, если дѣлаете къ ней такія ужасныя приготовленія. Исполняйте ваше порученіе.

Віола. Оно назначено только для вашего слуха. Я пришелъ не съ объявленіемъ войны, не съ требованіемъ дани. Оливковая вѣтвь въ рукѣ моей, и я произношу только слова мира

Оливія. Тѣмъ не менѣе, начало было довольно бурное. Кто вы? чего хотите?

Віола. Шуму, который я надѣлалъ у дверей, выучился я у того, кто меня тамъ встрѣтилъ. Кто я и чего я хочу - таинственно, какъ дѣвственная прелесть: для вашего слуха - цѣлая поэма, для всякаго другого - святотатство.

Оливія. Оставьте насъ. (Марія и свита уходятъ.) Послушаемъ эту поэму. Ну, сударь, что-то гласитъ ваша поэзія?

ВЮЛА. Прелестнѣйшая!

ОЛИВІЯ. Утѣшительное ученіе - и о немъ много можно наговорить. Гдѣ же стихи ваши?

ВЮЛА. Въ груди Орсино.

ОЛИВІЯ. Въ его груди? Въ которой главѣ?

ВЮЛА. Чтобъ отвѣчать методически - въ первой.

ОЛИВІЯ. О, ее я читала! Это ересь. Больше ничего вы не имѣете сказать мнѣ?

507

ВЮЛА. Красавица, позвольте взглянуть на ваше лицо.

ОЛИВІЯ. Развѣ герцогъ далъ вамъ порученіе къ моему лицу? Вы сбились съ текста. Однакожъ я отброшу занавѣсъ и покажу вамъ картину. (*Она сбрасываетъ вуаль.*) Смотрите: такова я дѣйствительно въ это мгновеніе. Хороша ли работа?

ВЮЛА. Превосходна, если одна природа создала ее.

ОЛИВІЯ. Краса неподдѣльная: не боится ни дождя, ни вѣтра.

ВЮЛА.

Гдѣ розы съ лиліями сочетала
Природы нѣжная, искусная рука,
Тамъ красота чиста и неподдѣльна.
Вы будете жесточе всѣхъ, графиня,
Когда въ могилѣ скроете красу
И списка не оставите для міра.

ОЛИВІЯ. О, я не хочу быть такъ жестокосерда! Я издамъ каталогъ моей красоты; сдѣлаю опись – и каждая частица, каждый кусочекъ будетъ приложенъ къ моему завѣщанію, какъ на примѣръ, первое: довольно алыя губы; второе: пара голубыхъ глазъ, при нихъ и рѣсницы; третье: шея, подбородокъ и такъ далѣе. Что? Вы присланы для оцѣнки?

ВЮЛА.

О, я васъ вижу въ настоящемъ видѣ:
Вы непомѣрно горды! Но хоть будь
Самъ дьяволъ заключенъ въ васъ - вы прекрасны.
Мой повелитель любитъ васъ, синьора.
Такой любви нельзя не наградить,
Хоть бы вы, Оливія, носили
Корону безпримѣрной красоты.

ОЛИВІЯ.

Какъ любить онъ меня?

ВЮЛА.

Съ потокомъ слезъ,
Съ благоговѣніемъ, съ огнемъ молитвы,
Со вздохами, звучащими любовью.

ОЛИВІЯ.

Онъ знаетъ, что любить я не могу
Его, хотя считаю благороднымъ
И добрымъ, и богатымъ, и отважнымъ.
И знаю, что онъ молодостью свѣжей
И незапятнанной цвѣтетъ. Природа
Прекрасные дары въ прекрасной формѣ
Ему дала. А все же не могу я
Его любить, что могъ бы ужъ давно
Онъ отгадать.

ВІОЛА.

Когда бъ я васъ любилъ
Такъ горячо, мучительно и страстно,
Какъ мой монархъ, въ отказѣ вашемъ гордомъ
Я бъ никакого смысла не нашель -
Не понялъ бы его.

ОЛИВІЯ.

Но что бы
Вы сдѣлали?

ВІОЛА.

У вашего порога
Я выстроилъ бы хижину изъ ивы,
Взывалъ бы день и ночь къ моей царицѣ,
Писалъ бы пѣсни о моей любви
И громко пѣлъ бы ихъ въ тиши ночей;
По холмамъ пронеслось бы ваше имя,
И эхо повторило бъ по горамъ:
«Оливія!» Вамъ не было бъ покоя
Межъ небомъ и землей, пока бы жалость
Не овладѣла вашею душой.

ОЛИВІЯ.

Кто знаетъ, вы бы далеко зашли!
Откуда же вы родомъ?

ВІОЛА.

Жребій мой
Хотя и не тяжелъ, но родъ мой выше:
Я дворянинъ.

ОЛИВІЯ.

Идите же назадъ
Къ монарху вашему: его любить
Я не могу. Пусть онъ не присылаетъ
Опять ко мнѣ пословъ, иль развѣ вы
Придете извѣстить меня, какъ принялъ
Орсино мой отказъ. Прощайте.
Благодарю за трудъ. Вотъ вамъ на память.

ВІОЛА.

Нѣтъ, спрячьте кошелекъ - я не слуга;
Не мнѣ, а герцогу нужна награда.
Пусть камнемъ станетъ сердце человѣка,
Котораго вы будете любить!
Да презираетъ онъ твою любовь,
Какъ презираешь ты любовь Орсино!
Красавица жестокая, прощай. (*Уходитъ.*)

ОЛИВІЯ.

А родомъ вы откуда? «Жребій мой
Хотя и не тяжелъ, но родъ мой выше:
Я дворянинъ». Клянусь, что это правда!
Твое лицо, приемы, смѣлость, станъ,
Твои слова - вотъ твой богатый гербъ.
Оливія, не торопись, потише.
Но ежели бъ слуга былъ господиномъ -
Ужели заразиться такъ легко?
Я чувствую, что юношескій образъ
Невидимо и осторожно вкрался
Въ мои глаза. Мальволио, гдѣ ты?

МАЛЬВОЛІО *возвращается.*

МАЛЬВОЛІО.

Я здѣсь, графиня! Что угодно?

ОЛИВІЯ.

Догони

Упрямаго посланника Орсино:
Онъ перстень здѣсь насильно мнѣ оставилъ.
Скажи, что я подарка не хочу,

Пусть герцогу не льститъ, пусть не ласкаетъ
Его пустой надеждой - никогда онъ
Оливію своей не назоветъ;
Когда жь послу угодно завтра утромъ
Прійти ко мнѣ, я объявлю причину.
Мальволію, спѣши!

МАЛЬВОЛІО.

Сейчасъ, графиня.

(Уходитъ.)

ОЛИВІЯ.

Что дѣлаю, сама того не знаю.
Мой глазъ не обольстилъ ли это сердце?
Свершай: судьба! Мы не имѣемъ воли,
И намъ судьбы своей не избѣжать.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена I.

Берегъ моря.

Входятъ АНТОНІО и СЕБАСТІАНЪ.

АНТОНІО. Такъ ты не хочешь оставаться долѣе и не позволяешь мнѣ итти съ тобою?

СЕБАСТІАНЪ. Съ твоего позволенія - нѣтъ. Темно свѣтитъ надо мной звѣзда моя. Злоба моей судьбы могла бы заразить и твою. Потому, прошу тебя, позволь мнѣ страдать одному. Я худо заплатилъ бы за твою любовь, подѣлившись съ тобою моимъ горемъ.

АНТОНІО. Хоть скажи, куда ты идешь?

СЕБАСТІАНЪ. Нѣтъ, извини. Мое путешествіе - прихоть. Но я замѣчаю въ тебѣ прекрасную черту скромности: ты не хочешь вынудить отъ меня мою тайну; тѣмъ охотнѣе я тебѣ откроюсь. Знай же, Антоніо: меня зовутъ Себастианомъ, хоть я и называю себя Родериго. Отецъ мой былъ тотъ Себастианъ изъ Метелина, о которомъ ты, какъ мнѣ извѣстно, уже слышалъ. Онъ оставилъ меня и сестру, родившихся въ одинъ часъ. Зачѣмъ не угодно было Небу, чтобъ мы и въ одно время умерли? Ты помѣшалъ этому: за часъ до того, какъ ты спасъ меня отъ кораблекрушенія, сестра моя утонула.

АНТОНІО. Боже!

СЕБАСТІАНЪ. Хоть и говорили, что она на меня очень похожа, однако многіе считали ее красавицей. Я, конечно, не могъ раздѣлять съ ними ихъ

чрезмѣрнаго удивленія, однако смѣло скажу, что самая зависть должна была бы назвать ея сердце прекраснымъ. Она уснула во влажной могилѣ, и ея память я освѣжаю рососою слезъ.

АНТОНІО. Не взыщи за плохое угощеніе.

СЕБАСТІАНЪ. О, дѣбръйшій Антоніо, прости только мнѣ всѣ безпокойства!

АНТОНІО. Если ты не хочешь убить меня за мою дружбу, позволь мнѣ быть твоимъ слугою.

СЕБАСТІАНЪ. Если ты не хочешь уничтожить сдѣланнаго, то-есть убить того, кому спасъ жизнь, такъ не требуй этого. Прощай однажды навсегда. Мое сердце такъ чувствительно – это наслѣдіе матери - что глаза мои при малѣйшемъ поводѣ наполняются слезами. Я иду ко двору графа Орсино. Прощай.

(Уходитъ.)

АНТОНІО.

Благословенье Неба будь съ тобою!
Врагами я богатъ въ дворцѣ Орсино.
Иначе скоро свидѣлся бь съ тобой.
Но что мнѣ въ томъ? я за тобой лечу!
Съ опасностями я играть хочу. *(Уходитъ.)*

Сцена II.

Улица.

Входитъ ВІОЛА; МАЛЬВОЛІО ее догоняетъ.

МАЛЬВОЛІО. Не вы ли были сейчасъ у графини Оливіи?

ВІОЛА. Я только что отъ нея.

МАЛЬВОЛІО. Она возвращаетъ вамъ этотъ перстень. Вы могли бы избавить меня отъ труда и сами взять его съ собою. Она еще приказала васъ просить рѣшительно сказать вашему герцогу, что она отвергаетъ его предложенія. Еще одно: не осмѣливайтесь являться къ ней съ порученіями отъ герцога, развѣ придете извѣстить, какъ онъ это принялъ. Возьмите же?

ВІОЛА. Она взяла у меня перстень - и я не приму его назадъ.

МАЛЬВОЛІО. Послушайте: вы дерзко бросили ей перстень - и ей угодно, чтобы онъ такъ же былъ возвращенъ. Если онъ стоитъ того, чтобы нагнуться - такъ вотъ онъ, а если нѣтъ - пусть возьметъ его первый прохожій.

(Бросаетъ перстень и уходитъ.)

ВІОЛА.

Я не оставилъ ей никакого перстня!
Что это значить? Боже сохрани!
Не обольстила ли ее наружность?
Она такъ страстно на меня глядѣла,
Какъ будто бы забыла о рѣчахъ.

Ея слова прерывисты такъ были!
Она меня - о, это вѣрно - любить.
Любовь хитра: она меня зоветъ

509

Черезъ посредство мрачнаго посла,
И перстня герцогъ ей не посылалъ!
Я - цѣль ея желаній. Если такъ,
То лучше бы любить ей сновидѣнье.
Ты одѣянье - хитрость, какъ я вижу,
Въ которой силенъ нашъ лукавый врагъ.
Какъ лицомѣру-молодцу не трудно
На сердце женщины напечатлѣть
Свой образъ! Ахъ, не мы, а наша слабость
Тому причиной! Мы должны же быть
Такъ созданы. Чѣмъ кончится все это?
Оливію Орсино любить нѣжно;
Я, бѣдная, равно имъ плѣнена;
Она жъ, обманутая, полюбила,
Какъ кажется, меня. Что это будетъ?
Когда я юноша, мнѣ не питать
Надежды на любовь Орсино;
А если женщина, то, Боже, какъ напрасно
Должна Оливія по мнѣ вздыхать!
Ты этотъ узелъ разрѣшишь, о, время!
А для меня онъ не по силамъ бремя.

(Уходитъ.)

Сцена III.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входитъ СЭРЪ ТОБИ, за нимъ СЭРЪ АНДРЕЙ.

СЭРЪ ТОБИ. Ступай, сюда, сэръ Андрей! Не быть за полночь въ постели
значить - рано вставать; а *diluculo surgere* - ты знаешь?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Нѣтъ, ей-богу, не знаю. А знаю, что долго не спать
значить долго не спать.

СЭРЪ ТОБИ. Ложный выводъ, столько же для меня противный, какъ
пустая бутылка. Просидѣть за полночь и потомъ итти спать - значить рано;
такъ, стало быть, ложиться спать за полночь значить – рано ложиться. Развѣ
наша жизнь не состоитъ изъ четырехъ элементовъ?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Говорятъ такъ; но я думаю, что она состоитъ изъ ѣды и
питья.

СЭРЬ ТОБИ. Ты ученый. Давай же ѣсть и пить. Эй, Марія! вина!

Входитъ ДУРАКЪ.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Вотъ дуракъ, ей-богу!

ДУРАКЪ. Здорово, ребята! Видали вывѣску трехъ дураковъ?

СЭРЬ ТОБИ. Добро пожаловать, болванъ! Споемъ-ка хоромъ.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Ей-богу, славное горло у дурака! Я бы далъ поддюжины червонцевъ, когда бы у меня были такіе икры и такой славный голосъ для пѣнья, какія имѣеть дуракъ. Ей-ой! Ты вчера ввечеру хорошо дурачился, какъ рассказывалъ о Пигрогромитусѣ и Вапіанахъ, что прошли за линію Квебуса примы. Чудесно, ей-богу! Я послалъ тебѣ гривну для твоей любезной - получилъ ли ты?

ДУРАКЪ. Я спряталъ твой подарокъ въ карманъ, потому что Мальволиевъ носъ не плеть, моя милая бѣлоручка, а мирмидонцы не полпивная лавочка.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Превосходно! Вотъ лучшія шутки, когда все кончено. Ну, пой же!

СЭРЬ ТОБИ. Да, спой-ка. Вотъ тебѣ гривна: валяй!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Вотъ и отъ меня: коли одинъ даетъ гривну, я даю другую. Ну же, пой пѣсню!

ДУРАКЪ. Что жъ вамъ спѣть? любовную пѣсенку или нравоучительную и чинную?

СЭРЬ ТОБИ. Любовную! любовную!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Да; что мнѣ нравоученія!

ДУРАКЪ (поетъ.)

Гдѣ ты, душенька, гуляешь?
Иль меня ты забываешь,
Что одинъ грустить?
Кто тебя отсюда манить?
Часъ любви, повѣрь, настанетъ,
Быстро пролетитъ!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Чудесно, ей-богу!

СЭРЬ ТОБИ. Славно! славно!

ДУРАКЪ (поетъ.)

Что любовь? Не за горами,
Не за лѣсомъ и полями,
Здѣсь она - лови!
Если медлишь - проиграешь,
Поцѣлуй мой потеряешь:
Не теряй, лови!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Медовый голосъ, клянусь моимъ дворянствомъ!

СЭРЬ ТОБИ. Совершенная патока!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Медовый и совершенная патока - ей-богу!

СЭРЪ ТОБИ. Такъ сладокъ, что даже тошно. Да что? не хватить ли такъ, чтобъ земля пошла въ присядку? Спугнемъ-ка филина хоромъ, который вытянулъ бы у ткача три души.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Пожалуйста, если вы меня любите. Я такъ люблю хоры, что просто чортъ возьми! Начинайте:

Мошенникъ...

ДУРАКЪ. «Молчи, мошенникъ?» Да, вѣдь, тогда я долженъ буду назвать вашу милость - мошенникомъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Это уже я не въ первый разъ заставляю называть себя мошенникомъ. Начинай, дуракъ! Оно начинается: «молчи!»

ДУРАКЪ. Я не могу начать молча.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Хорошо! ей-богу, хорошо! Ну, начинайте! (*Поютъ хоромъ.*)

510

Входитъ МАРІЯ.

МАРІЯ. Это что за кошачій концертъ? Если графиня не позоветъ своего управителя Мальволио, чтобъ выгнать васъ изъ дому, такъ назовите меня чѣмъ угодно.

СЭРЪ ТОБИ. Графиня - родомъ изъ Китая, мы - дипломаты, а Мальволио - старая вѣдьма.

(*Поетъ.*)

Вотъ три веселыхъ молодца!

Что, я ей родственникъ, что ли? Развѣ мы не одной крови съ твоей барышней? (*Поетъ.*)

Сударыня, барыня...

ДУРАКЪ. Право, его милость славно дурачится.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Да, онъ на это мастеръ, когда расположенъ, и я тоже; но только онъ искуснѣе, какъ-то натуральнѣе.

СЭРЪ ТОБИ (*поетъ*).

Однажды зимнимъ вечеркомъ

Сошлись...

МАРІЯ. Ради Бога, молчите!

Входитъ МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Взбѣсились вы, господа, что ли? Что это, у васъ ни стыда, ни совѣсти – шумѣть по ночамъ? или вы принимаете домъ графини за трактиръ, что такъ немилосердно горланите ваши пѣсни? Не знаете ни времени, ни мѣры.

СЭРЪ ТОБИ. И время, и мѣру наблюдали, сударь, въ нашей пѣснѣ. Убирайся къ чорту!

МАЛЬВОЛЮ. Сэръ Тоби, я долженъ поговорить съ вами на-чистую. Графиня поручила мнѣ сказать вамъ, что хотя вы и живете у нея, какъ родственникъ, но съ буйствомъ вашимъ она не хочетъ имѣть никакого дѣла. Если вы можете развязаться съ дурнымъ поведеніемъ, такъ она вамъ очень рада; если же нѣтъ и угодно вамъ съ ней проститься, такъ она очень охотно съ вами разстанется.

СЭРЪ ТОБИ (*поетъ*).

Прощай, душа! Твой другъ во путь идетъ!

МАЛЬВОЛЮ. Прошу васъ, сэръ Тоби...

ДУРАКЪ (*поетъ*).

И видно по лицу, что пропадетъ.

МАЛЬВОЛЮ. Возможно ли...

СЭРЪ ТОБИ (*поетъ*).

Ты никогда, сэръ Тоби, не умрешь!

ДУРАКЪ (*поетъ*).

Протянешь ноги - врешь!

МАЛЬВОЛЮ. Это вамъ дѣлаетъ честь, право!

СЭРЪ ТОБИ (*поетъ*).

Не худо бы его прогнать?

ДУРАКЪ (*поетъ*).

Зачѣмъ? Ему къ лицу здѣсь постоять.

СЭРЪ ТОБИ (*поетъ*).

Прогнать его, мошенника, за дверь!

ДУРАКЪ (*поетъ*).

О, трусь! да не посмѣешь же, повѣрь.

СЭРЪ ТОБИ. Я съ такту сбился, пріятель! Совралъ! Что жъ ты за важная особа? Дворецкій! Или ты думаешь: потому что ты добродѣтеленъ, такъ не бывать на свѣтѣ ни пирогамъ, ни вину?

ДУРАКЪ. Будутъ же, вотъ-те Пресвятая! Да ты же еще и подавишься.

СЭРЪ ТОБИ. Твоя правда. Проваливай-ка! Пѣтушишь въ лакейской. А подай-ка намъ винца, Марія!

МАЛЬВОЛЮ. Если бъ ты, Марія, хоть сколько-нибудь дорожила милостью графини, такъ не потворствовала бы этому разврату. Она узнаетъ объ этомъ, вотъ мое слово! (*Уходитъ*.)

МАРІЯ. Ступай! Помахивай ушами!

СЭРЪ АНДРЕЙ. А было бы такъ же хорошо, какъ и выпить, проголодавшись, вызвать его на поединокъ, да и не явиться, и тѣмъ его одурачить.

СЭРЪ ТОБИ. Сдѣлай-ка это, дружище; я напишу тебѣ вызовъ или на словахъ расскажу ему, какъ ты сердился.

МАРІА. Почтеннѣйшій сэръ Тоби, будьте потише только эту ночь. Молодой посоль отъ герцога опять былъ у нея и съ тѣхъ поръ она очень безпокойна. А съ мусье Мальволю я справлюсь. Если я не сдѣлаю его пословицей и посмѣшищемъ, такъ позволяю вамъ думать, что не сумѣю лежать прямо въ постели. Я знаю, что могу это сдѣлать.

СЭРЪ ТОБИ. Расскажи же, расскажи! Что ты о немъ знаешь?

МАРІА. Право, иногда кажется, какъ-будто онъ что то въ родѣ пуританина.

СЭРЪ АНДРЕЙ. О, если бъ я думалъ это, то прибилъ бы его, какъ собаку.

СЭРЪ ТОБИ. Какъ? за то, что онъ пуританинъ? Твои побудительныя причины, рыцарь?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Мои причины хоть и не побудительны, но, довольно хороши.

МАРІА. Пусть-себѣ будетъ – чтобъ его нелегкая взяла - пуританиномъ или чѣмъ угодно: все-таки онъ флюгеръ, что ходитъ за вѣтромъ, осель, который выучилъ наизусть высокопарныя рѣчи и сыплетъ ихъ пригоршнями; ужасно доволенъ собою и совершенно увѣренъ въ томъ, что набить совершенствами; онъ свято вѣруетъ, что кто на него ни взглянетъ, непременно въ него влюбится. Этотъ порокъ прекрасно поможетъ моему мщенію.

511

СЭРЪ ТОБИ. Что жъ ты думаешь сдѣлать?

МАРІА. Я подкину ему глупыя любовныя письма. Въ нихъ опишу я цвѣтъ его волосъ, форму ногъ, поступь, глаза, лобъ, черты лица - и онъ узнаетъ себя непременно. Я могу писать совершенно, какъ графиня, ваша племянница. Когда намъ попадетъ какая-нибудь забытая записка, такъ мы никакъ не можемъ различить нашего почерка.

СЭРЪ ТОБИ. Безподобно! Я уже чую, въ чемъ дѣло.

СЭРЪ АНДРЕЙ. И мнѣ въ носъ ударило.

СЭРЪ ТОБИ. Онъ подумаетъ, что письма эти отъ моей племянницы и что она въ него влюблена.

МАРІА. Да, онъ выѣдетъ на этомъ конькѣ.

СЭРЪ ТОБИ. А самъ станетъ осломъ.

МАРІА. Осломъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. О, это чудесно будетъ.

МАРІА. Богатая шутка! Ужъ повѣрьте: я знаю, мое зелье на него подѣйствуетъ. Я поставлю васъ двоихъ - дуракъ будетъ третій - туда, гдѣ онъ долженъ найти письмо: замѣйте только, какъ онъ будетъ изъяснять его. На сегодня довольно; желаю, чтобъ вамъ приснилась наша шутка. Прощайте! (Уходитъ.)

СЭРЪ ТОБИ. Прощай, амазонка.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Славная, на мои глаза, она дѣвка!

СЭРЪ ТОБИ. Хорошо дресирована и обожаетъ меня; да къ чему это?

СЭРЪ АНДРЕЙ. И меня разъ какъ-то обожала!

СЭРЪ ТОБИ. Пойдемъ спать, сэръ! Не худо бы, если бь тебѣ прислали денегъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Если мнѣ не удастся жениться на твоей племянницѣ, такъ я крѣпко обчелся.

СЭРЪ ТОБИ. Вели только прислать денегъ; если же она не будетъ, наконецъ, твоею, такъ назови меня лошадыю.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Если я этого не сдѣлаю, такъ я безчестный человекъ. Понимай, какъ хочешь.

СЭРЪ ТОБИ. Пойдемъ, пойдемъ! Я приготовлю грогу. Ложиться уже поздно. Идемъ, братъ, идемъ! (*Уходятъ.*)

Сцена IV.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ: Герцогъ, Виола, Куріо и другіе.

Герцогъ.

По звукамъ стосковался я. Здорово!
Цезаріо мой добрый, сдѣлай милость,
Спой ту старинную, простую пѣснь
Вчерашней ночи. Грусть мою какъ-будто
Она отвѣяла и дальше, и свѣжѣй,
Чѣмъ красныя слова воздушныхъ арій,
Плѣняющихъ собой нашъ пестрый вѣкъ.
Одну строфу - не больше и не меньше!

Куріо. Извините, государь: того, кто могъ бы спѣть ее, здѣсь нѣтъ.

Герцогъ. Кто же это пѣлъ?

Куріо. Шутъ Фестъ, дуракъ, который восхицалъ, бывало, отца Оливіи.
Но онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь близко.

Герцогъ.

Сыщите же его; а между тѣмъ
Сыграйте тотъ напѣвъ неотразимый.

(*Куріо уходитъ. Музыка.*)

Цезаріо, когда полюбишь ты,
Въ страданьяхъ сладкихъ вспомни обо мнѣ.
Какъ я, всѣ любящіе своенравны,
Измѣнчивы въ движеніяхъ души.
Одно въ нихъ держится неколебимо:
То - образъ милой, глубоко любимой.
Что, нравится ль тебѣ напѣвъ?

Виола.

Прекрасно!

Какъ эхо, раздаётся онъ въ чертогахъ,
Гдѣ царствуетъ любовь.

ГЕРЦОГЪ.

Твои слова
Искусно выражаютъ чувство страсти,
Ручаюсь жизнью! Какъ ни молодъ ты,
Но ты уже искалъ въ глазахъ любимой
Отвѣта на любовь - не такъ ли?

ВІОЛА.

Да,
Немного, государь.

ГЕРЦОГЪ.

Ну, какова жъ
Твоя любезная?

ВІОЛА.

На васъ похожа.

ГЕРЦОГЪ.

Не стоитъ же она тебя. Какъ молода?

ВІОЛА.

Почти что вашихъ лѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Стара!
Жена должна избрать себѣ постарше;
Тогда она прилѣпится къ супругу,
И будетъ царствовать въ его груди.
Какъ мы себя, Цезарію, ни хвалимъ,
А наши склонности непостояннѣй,
Чѣмъ женщины любовь.

ВІОЛА.

Я тѣхъ же мыслей.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ избери подругу помоложе,
А иначе любовь не устоитъ.
Вѣдь, женщины, какъ розы:

Чуть расцвѣла -
Ужъ отцвѣла,
И милыхъ нѣтъ цвѣтовъ!

ВІОЛА.

Да, жребій ихъ таковъ!
Не доцвѣтатъ,
А умирать.
Ихъ жизнь - мгновенье, слезы.

КУРІО *возвращается съ ДУРАКОМЪ.*

ГЕРЦОГЪ.

Ну, спой-ка пѣснь вчерашней ночи, другъ!
Замѣть - она старинная, простая.
Крестьянки въ полѣ, собирая хлѣбъ,
Иль, кружево сплетая, молодежи
Поютъ ее; она не мудрена
И сладкою невинности любовью
Играетъ, какъ простая старина.

ДУРАКЪ. Прикажете начать?

ГЕРЦОГЪ. Да, пожалуйста, спой.

ДУРАКЪ (*поетъ*).

Смерть, скорѣй прилетай, прилетай: -
Кипарисами гробъ мой обвить!
Жизнь, скорѣй улетай, улетай:
Я красавицей гордой убить!
Плющомъ украсьте саванъ мой,
Посмертный мой вѣнецъ!
Никто съ любовію такой
Не встрѣтитъ свой конецъ.
Нѣтъ, нѣжныхъ, прекрасныхъ цвѣтовъ
Не бросайте на черный мой гробъ
И во прахъ не склоняйте головъ
На укывшій дерновый сугробъ!
Чтобъ было некому по мнѣ вздыхать,
Заройте трупъ мой въ прахъ!
Чтобъ другу гробъ мой не сыскать,
Забудьте о слезахъ!

ГЕРЦОГЪ. Вотъ тебѣ за труды.

ДУРАКЪ. Что за трудъ, государь? Я нахожу удовольствіе въ пѣсняхъ.

ГЕРЦОГЪ. Такъ возьми за удовольствіе.

ДУРАКЪ. Пожалуй: за удовольствіе, рано или поздно, мы должны расплатиться.

ГЕРЦОГЪ. Позволь мнѣ тебя уволить.

ДУРАКЪ. Да осѣнить тебя богъ меланхоліи, а fournisseur de la cour сошьетъ тебѣ платье изъ двулличной тафты! Твой духъ - опаль, играющій всѣми цвѣтами. Людей съ твоимъ постоянствомъ надобно бы посылать въ море, чтобъ они занимались всѣмъ, не находя нигдѣ цѣли, потому что, когда не знаешь, куда итти, то зайдешь всего дальше. Прощайте! (*Уходитъ.*)

ГЕРЦОГЪ.

Оставьте насъ.

(*Куріо и придворные уходятъ.*)

Цезарь, еще разъ
Иди къ неограниченно-жестокой;
Скажи ей, что моя любовь надъ міромъ
Возвышена, какъ небо надъ землей:
Ей пыльныхъ областей земныхъ не нужно.
Скажи, что всѣ ея дары, богатства,
Ей счастьемъ данные, въ моихъ глазахъ
Ничтожны и измѣнчивы, какъ счастье.
Лишь онъ, тотъ царь-алмазь, тотъ образъ-чудо,
Въ который Богъ ея оправилъ душу,
Меня прельстилъ, меня къ ней приковалъ.

ВЮЛА.

Однакожь, если, государь, она
Не можетъ васъ любить?

ГЕРЦОГЪ.

Такой отвѣтъ
Не принимаю я.

ВЮЛА.

Но вы должны.
Положимъ, дѣвушка влюбилась въ васъ -
Какая, можетъ-быть, и есть на свѣтѣ -
И сердце ноетъ у нея по васъ,
Какъ ваше по Оливіи; положимъ,
Что вы не можете ее любить,
Что вы ей это говорите - что жъ,
Отвѣтъ вашъ не должна ль она принять?

ГЕРЦОГЪ.

Грудь женщины не вынесетъ той бури,
Такого страсти урагана, какъ въ моемъ
Грохочетъ сердцѣ; женщины душа
Мала, чтобъ умѣститъ въ себѣ такъ много.
Онѣ непостоянны; ихъ любовь
Желаньемъ только можетъ называться;

Она въ крови у нихъ, а не въ душѣ,
И вслѣдъ за ней отягощаютъ сердце
И пресыщеніе, и тошнота.
Моя жъ, какъ море, голодна любовь -
Ее не насытишь! О, не равняй
Мою къ Оливіи любовь съ любовью,
Что можетъ женщина ко мнѣ питать!

ВІОЛА.

Однакоже я знаю...

ГЕРЦОГЪ.

Что ты знаешь?
Скажи.

ВІОЛА.

Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно,
Какъ женщина способна полюбить.
Ихъ сердце такъ же вѣрно, какъ и наше.
Дочь моего родителя любила,
Какъ, можетъ-быть, я полюбила бъ васъ,
Когда бы слабой женщиной была.

ГЕРЦОГЪ.

А жизнь ея?

ВІОЛА.

Пустой листокъ, мой государь:
Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна та, какъ червь сокрытый въ почкѣ,

513

Питалась пурпуромъ ея ланить.
Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глубокой,
Какъ геній христіанскаго терпѣнья,
Изсѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она съ улыбкою глядѣла на тоску -
Иль это не любовь? Конечно, намъ,
Мужчинамъ, легче говорить и клясться;
Да наши обѣщанья выше воли:
Велики въ клятвахъ мы, въ любви - ничтожны.

ГЕРЦОГЪ.

Сестра твоя скончалась отъ любви?

ВІОЛА.

Я - вотъ всѣ дочери и сыновья
Изъ дома моего отца. При всемъ томъ
Не знаю я... Да не пора ль къ графинѣ?

ГЕРЦОГЪ.

Да, въ этомъ дѣло! Живо, поспѣшай!
Вручи ей отъ меня вотъ этотъ перстень
И повтори ей, что моя любовь
Не вынесетъ отказа иль отсрочки.

(Уходятъ.)

Сцена V.

Садъ Оливіи.

Входятъ: СЭРЪ ТОБИ, СЭРЪ АНДРЕЙ и ФАБИАНЪ.

СЭРЪ ТОБИ. Ступай сюда, синьоръ Фабіанъ.

ФАБИАНЪ. Конечно, пойду. Если я пророню хоть одинъ грань этой шутки, такъ пусть изъ меня сдѣлаютъ похлебку на меланхоліи.

СЭРЪ ТОБИ. Не порадуешь ли тебя, что эта протоканалья осрамится съ головы до ногъ?

ФАБИАНЪ. Я торжествовалъ бы! Ты знаешь: однажды онъ лишилъ меня милости графини, по случаю медвѣжьей травли.

СЭРЪ ТОБИ. На зло жъ ему, медвѣдя еще разъ спустятъ, и мы не оставимъ на немъ живого волоска. Не такъ ли, сэръ Андрей?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Если мы не сдѣлаемъ этого, то - да сжалится надъ нами Небо!

Входитъ МАРІЯ.

СЭРЪ ТОБИ. Вотъ и бѣсенокъ. Ну, что, мое сокровище?

МАРІЯ. Станьте втроемъ за кустъ: Мальволио идетъ этой дорогой. Онъ съ полчаса стоялъ тамъ, на солнцѣ, и кривлялся передъ собственною тѣнью. Ради Бога, примѣчайте за нимъ! Я знаю, это письмо превратитъ его въ философствующаго болвана. Тише, ради всего веселаго! *(Мужчины прячутся)*. Ты лежи здѣсь. *(Она бросаетъ письмо)*. Вонъ плыветъ рыбка, которую надо поймать на удочку. *(Уходитъ)*.

Входитъ МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО. Все только счастье-одно счастье. Марія сказала мнѣ однажды, что графиня ко мнѣ равнодушна, и я самъ слышалъ, какъ сама она намекала довольно ясно, что если она влюбится, такъ въ человѣка моего роста; кромѣ того, со мною обращается она съ бѣльшимъ почтеніемъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ остальныхъ слугъ ея. Что мнѣ объ этомъ думать?

СЭРЪ ТОБИ. Надутая скотина!

ФАБІАНЪ. Тсь! Эти умствованія превращаютъ его въ великолѣпнѣйшаго изъ индѣйскихъ пѣтуховъ. Экъ онъ надувается въ своихъ перьяхъ!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Ей-ей, такъ бы и прибилъ этого мошенника!

СЭРЪ ТОБИ. Тише!

МАЛЬВОЛІО. Быть графомъ Мальволіо...

СЭРЪ ТОБИ. О, скоть!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Пулю въ лобъ ему, пулю!

СЭРЪ ТОБИ. Тише, тише!

МАЛЬВОЛІО. Есть примѣры: обергофмейстерина вышла за камердинера.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Погибни, Іезавель!

ФАБІАНЪ. Тише! Теперь онъ окунулся поуши. Смотрите, какъ воображеніе его надуваетъ.

МАЛЬВОЛІО. Три мѣсяца прошли ужъ послѣ нашей свадьбы - и я сижу въ великолѣпномъ креслѣ.

СЭРЪ ТОБИ. Чтобъ тебѣ не вставать съ него!

МАЛЬВОЛІО. Сзываю вокругъ себя моихъ чиновниковъ, сижу въ бархатномъ, цвѣтистомъ халатѣ, только что вставъ съ постели, гдѣ оставилъ Оливію спящею...

СЭРЪ ТОБИ. Громъ и молнія!

ФАБІАНЪ. Тсь! Тсь!

МАЛЬВОЛІО. Потомъ находитъ барскій капризъ: осматриваешь ихъ важнымъ взоромъ, говоришь имъ: «я знаю свое мѣсто, такъ и вы знайте свое» и, наконецъ, спрашиваешь о сэрѣ Тоби.

СЭРЪ ТОБИ. Адъ и проклятіе!

ФАБІАНЪ. О, тише! тише! Теперь слушай!

МАЛЬВОЛІО. Семеро изъ моихъ слугъ съ раболѣпною поспѣшностью бросаются за нимъ. Я, между тѣмъ, наморщиваю лобъ, завожу, можетъ-быть, мои часы или играю драгоцѣннымъ перстнемъ. Сэръ Тоби входитъ, отвѣшиваетъ мнѣ свой поклонъ...

СЭРЪ ТОБИ. Неужели оставить его въ живыхъ?

514

ФАБІАНЪ. Молчи, хоть бы лошадыми тянули изъ тебя слова.

МАЛЬВОЛІО. Такъ протягиваю я ему руку и благосклонную улыбку подавляю строгимъ взглядомъ неудовольствія...

СЭРЪ ТОБИ. И Тоби не ударитъ тебя въ рожу?

МАЛЬВОЛІО. И говорю: «mon cher Тоби, такъ какъ судьба соединила меня съ твоею племянницею, то я имѣю право сдѣлать тебѣ слѣдующія замѣчанія...»

СЭРЪ ТОБИ. Что? какъ?

МАЛЬВОЛІО. Ты долженъ оставить пьянство...

СЭРЪ ТОБИ. Осель!

ФАБІАНЪ. Потерпите, пожалуйста, а то, вѣдь, мы все испортимъ.

МАЛЬВОЛІО. Кромѣ того, ты тратишь драгоцѣнное время съ болваномъ...

СЭРЪ АНДРЕЙ. Это я - будьте увѣрены.

МАЛЬВОЛІО. Какимъ-то сэръ Андреемъ...

СЭРЪ АНДРЕЙ. Я очень хорошо зналъ, что это я, потому что многіе называютъ меня болваномъ.

МАЛЬВОЛІО. Это что такое? *(Поднимаетъ письмо.)*

ФАБІАНЪ. Вотъ рыбка, и на удочку.

СЭРЪ ТОБИ. Тсъ! И да внушить ему духъ шутки читать вслухъ!

МАЛЬВОЛІО. Клянусь жизнью, это почеркъ моей графини! Это, точно, ея Люди, Земля и Добро; она точно такъ пишетъ большіе Покои. Это ея рука...

СЭРЪ АНДРЕЙ. Ея люди, земля и добро... къ чему это?

МАЛЬВОЛІО *(читаетъ)*. «Неизвѣстному предмету любви моей это письмо и дружескій привѣтъ.» Это совершенно ея слогъ. Постой - и печать ея: Лукреція, которую она обыкновенно употребляетъ. Это графиня! Къ кому бы это?

ФАБІАНЪ. Завязъ съ душой и тѣломъ!

МАЛЬВОЛІО *(читаетъ)*.

Богамъ извѣстно, я люблю!

Одну мечту лелѣю!

Кого люблю - я не скажу,

Признаться въ томъ не смѣю.

«Признаться въ томъ не смѣю!» Что дальше? Еще стихи! «Признаться въ томъ не смѣю!» Если бы это былъ ты, Мальволио!

СЭРЪ ТОБИ. Повѣсить тебя, собаку!

МАЛЬВОЛІО *(читаетъ)*.

Я рождена повелѣвать
Тому, къ кому душой пылаю;
Но не могу тебя назвать
И молча по тебѣ страдаю,
М. О. А. И.,
Кумиръ моей души.

ФАБІАНЪ. Безтолковая загадка!

СЭРЪ ТОБИ. Чудесная дѣвка!

МАЛЬВОЛІО. «М. О. А. И., кумиръ моей души». Сначала, однакожъ... Посмотримъ! посмотримъ!

ФАБІАНЪ. Какое блюдо отравы она преподнесла ему!

СЭРЪ ТОБИ. И какъ эта пѣявка впилась!

МАЛЬВОЛІО.

Я рождена повелѣвать
Тому, къ кому душой пылаю.

Ну, конечно, она можетъ мнѣ повелѣвать, я ей служу, она моя госпожа – это ясно для всякаго здраваго ума: тутъ затрудненій нѣтъ. А конецъ? Что бы значилъ этотъ порядокъ буквъ? Если бы мнѣ удалось, такъ или иначе, приладить ихъ ко мнѣ. Постой! М. О. А. И.

СЭРЪ ТОБИ. Ну, догадывайся! Попалъ на слѣдъ!

ФАБІАНЪ. Борзая залаяла, какъ-будто почуяла лисицу.

МАЛЬВОЛІО. М – Мальволио. - М... Ну, этимъ начинается мое имя.

ФАБІАНЪ. Не сказалъ ли я, что онъ отыщеть свое? У него удивительное чутье.

МАЛЬВОЛІО. М. - Но тогда нѣтъ согласія съ слѣдующимъ! дальше изъяснять нельзя; должно бы стоять А, а стоитъ О.

ФАБІАНЪ. Этимъ О, надѣюсь, все и кончится.

СЭРЪ ТОБИ. Да, или я стану бить его, пока онъ не закричитъ: «о!»

МАЛЬВОЛІО. А за нимъ слѣдуетъ Азъ.

ФАБІАНЪ. Если бы у тебя былъ хоть одинъ глазъ позади, ты увидѣлъ бы больше стыда за собою, чѣмъ счастья впереди.

МАЛЬВОЛІО. М. О. А. И. – это ужъ не такъ ясно, какъ сначала; однакожъ, если немножко поворочать, такъ можно приладить ко мнѣ: въ моемъ имени есть каждая изъ этихъ буквъ. Но вотъ слѣдуетъ проза. (*Читаетъ.*)

«Если это письмо попадетъ въ твои руки - обдумай. Звѣзда моя возвышаетъ меня надъ тобою, но не бойся величія. Одни - рождаются великими, другіе – приобрѣтаютъ величіе, а инымъ его бросаютъ. Судьба простираетъ надъ тобой свою десницу! Душой и тѣломъ вцѣпись въ свое счастье; а чтобъ привыкнуть къ тому, чѣмъ ты имѣешь надежду сдѣлаться, сбрось эту смиренную оболочку и явись превращеннымъ. Будь грубъ съ моимъ родственникомъ, ворчи на прислугу; отъ устъ твоихъ да зазвучатъ рѣчи политическія; веди себя странно. Это совѣтуетъ тебѣ та, которая по тебѣ вздыхаетъ. Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки, кто всегда желалъ тебя видѣть съ на-крестъ застегнутыми подвязками - я говорю тебѣ:

515

вспомни! смѣлѣй! Счастье къ твоимъ услугамъ, если ты этого хочешь. Если нѣтъ, то оставайся навсегда дворецкимъ, товарищемъ лакеевъ и недостойнымъ коснуться руки Фортуны! Прощай. Та, которая хотѣла бы помѣняться съ тобою своимъ званіемъ. *Счастливая Несчастливица.*»

Свѣтъ солнечный не яснѣе! Это очевидно. Я буду гордымъ; буду читать политическія книги, ниспровергну сэра Тоби; очищу себя отъ низкихъ знакомствъ; до послѣдняго волоска стану такимъ, какъ должно. Теперь я не обманываю себя: воображеніе не имѣетъ надо мною никакой власти. На дняхъ она хвалила мои желтые чулки, восхищалась моими подвязками; здѣсь открывается она въ любви и тонкимъ намекомъ заставляетъ меня одѣваться по ея вкусу. Благодарю звѣзду мою – я счастливъ! Я буду сдержанъ, гордъ, стану носить желтые чулки, на-крестъ застегивать подвязки... Да будутъ благословенны боги и мое созвѣздіе! Вотъ еще приписка.

«(*Читаетъ.*) Ты не можешь не догадаться, кто я. Если ты отвѣчаешь на любовь мою – знакомъ да будетъ твоя улыбка. Тебѣ такъ къ лицу, когда ты улыбаешься и потому, прошу тебя, улыбайся всегда въ моемъ присутствіи.»

Боги! благодарю васъ! Я буду улыбаться, буду дѣлать все, чего ты ни потребуешь. (*Уходитъ.*)

ФАБІАНЪ. Я не отдалъ бы моего участія въ этой потѣхѣ ни за тысячу годовыхъ доходовъ султана.

СЭРЪ ТОБИ. За эту шутку я готовъ бы жениться на этой дѣвкѣ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. И я бы женился...

СЭРЪ ТОБИ. И не взялъ бы другого приданого, кромѣ еще такой шутки.

СЭРЪ АНДРЕЙ. И я не взялъ бы.

МАРІЯ *возвращается.*

ФАБІАНЪ. Вотъ она, наше золото!

СЭРЪ ТОБИ. Послушай, амазонка, требуй, чего хочешь! Сдѣлай изъ меня табуретъ для твоихъ ногъ, если угодно...

СЭРЪ АНДРЕЙ. Иль изъ меня.

СЭРЪ ТОБИ и. Иль прикажи мнѣ проиграть въ шашки мою свободу и сдѣлаться рабомъ твоимъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Иль мнѣ сдѣлаться...

СЭРЪ ТОБИ. Ты погрузила его въ такой сонъ, что когда его видѣнія исчезнуть, онъ непременно сойдетъ съ ума.

МАРІЯ. Нѣтъ, это не шутя подѣйствовало на него?

СЭРЪ ТОБИ. Какъ водка на старую бабу.

МАРІЯ. Такъ если вы хотите увидѣть плоды нашей шутки, замѣтьте появленіе его при графинѣ. Онъ придетъ въ желтыхъ чулкахъ! а она ненавидитъ этотъ цвѣтъ; подвязки будутъ застегнуты на-крестъ, а она этого терпѣть не можетъ; онъ будетъ, глядя на нее, улыбаться, а это такъ мало гармонируетъ съ ея грустью, что онъ лишится всей ея милости. Если хотите взглянуть на это, такъ идите за мною.

СЭРЪ ТОБИ. До воротъ самаго ада, несравненный дьяволъ остроумія.

СЭРЪ АНДРЕЙ. И я до воротъ. (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена I.

Садъ Оливіи.

Входятъ ВІОЛА и ДУРАКЪ съ барабаномъ.

ВІОЛА. Здравствуй, другъ, съ твоей музыкой! Каково поживаешь ты при барабанѣ?

ДУРАКЪ. Я поживаю, сударь, при церкви.

ВІОЛА. Развѣ ты церковникъ?

ДУРАКЪ. Нѣтъ, не то; а проживаю я при церкви потому, что проживаю въ моемъ домѣ, а домъ мой стоитъ при церкви.

ВІОЛА. Да этакъ ты, пожалуй, можешь сказать, что церковь выстроена при барабанѣ, если барабанъ стоитъ подлѣ нея.

ДУРАКЪ. Правда, сударь. Вотъ вѣкъ насталь! Для умной головы всякая рѣчь, какъ карманъ: мигомъ вывернетъ на изнанку.

ВІОЛА. Ты не дуракъ ли Оливіи?

ДУРАКЪ. Нисколько. У Оливіи нѣтъ дурачества, и она до тѣхъ поръ не будетъ держать у себя дурака, пока не выйдетъ замужъ; а дураки содержатся къ мужьямъ, какъ сардинка къ селедкамъ: мужъ наибольшій изъ двухъ. Собственно, я не дуракъ ея, а слововыворачиватель.

ВІОЛА. На дняхъ я видѣлъ тебя у графа Орсино.

ДУРАКЪ. Глупость, какъ солнце, бродитъ вокругъ свѣта и свѣтитъ повсюду. Жаль, если дуракъ не будетъ посѣщать вашего господина такъ же часто, какъ мою госпожу. Кажись, я видѣлъ у нея вашу премудрость.

ВІОЛА. Если ты хочешь смѣяться надо мной, такъ мнѣ нечего больше съ тобой толковать. Вотъ тебѣ на водку.

ДУРАКЪ. Да подарить тебѣ Зевсъ для бороды первый клокъ, который у него сыщется!

ВІОЛА (*про себя*). Да, я почти изнываю по ней, хотя и не желала бы, чтобы она

516

росла на моемъ подбородкѣ. (*Громко.*) Графиня дома?

ДУРАКЪ (*указывая на деньги*). А что? можетъ эта пара прижить дѣтей?

ВІОЛА. И очень: стоитъ только ихъ свестъ.

ДУРАКЪ. Я охотно сыгралъ бы роль Пандара, чтобы этого Троила свестъ съ Крессидой.

ВІОЛА. Понимаю: ты искусно нищенствуешь.

ДУРАКЪ. Кажется, не велика штука! Я прошу только о нищей. Крессида была нищая. Графиня дома, сударь. Я расскажу ей откуда вы; кто же вы и чего вы хотите – это внѣ моей «сферы»; я могъ бы сказать «горизонта», да это слово уже больно истерто.

(*Уходитъ.*)

ВІОЛА.

Да, этотъ молодецъ смышленъ довольно -
Играть роль дурака; а чтобы ловко
Ее сыграть, такъ надобно умѣнье.
Онъ долженъ знать и обстоятельства, и нравъ,
И лица тѣхъ людей, надъ кѣмъ смѣется.
Какъ соколъ, долженъ онъ летѣть стрѣлой
На всякую изъ птицъ, предъ нимъ парящихъ.
И, право, это ремесло не легче
Искусства мудрымъ быть. Когда дуракъ
Дурачится, ему дурачество къ лицу,
Но ужъ никакъ пристать не можетъ мудрецу.

Входят СЭРЪ ТОБИ и СЭРЪ АНДРЕЙ.

СЭРЪ ТОБИ. Здравствуйте!

ВЮЛА. Мое почтение.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Dieu vous garde, monsieur.

ВЮЛА. Et vous aussi, votre serviteur.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Надѣюсь, что такъ - и я къ вашимъ услугамъ.

СЭРЪ ТОБИ. Вы хотите войти въ домъ? Племянница моя желаетъ васъ видѣть, если у васъ есть до нея дѣло.

ВЮЛА. Я очень ей обязанъ... я хочу сказать: я обязанъ итти къ ней.

СЭРЪ ТОБИ. Такъ ноги въ карманъ - и маршъ!

ВЮЛА. Мои ноги понимаютъ меня лучше, чѣмъ я ваше выраженіе.

СЭРЪ ТОБИ. Да, я просто хочу сказать: идите.

ВЮЛА. Я отвѣчу вамъ дѣломъ; но насъ предупредили.

Входят ОЛИВІЯ и МАРІЯ.

ВЮЛА. Очаровательная, несравненная графиня! Небо да ниспошлетъ на васъ дождь благоуханій!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Этотъ молодой человекъ отличный придворный. Дождь благоуханій! Прекрасно!

ВЮЛА. Мое порученіе безмолвно для всѣхъ, графиня, кромѣ вашего благосклоннаго и снисходительнаго слуха.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Благоуханіе! Благосклонное! Снисходительная! Замѣчу всѣ три.

ОЛИВІЯ. Затворите садовую дверь и оставьте насъ. Я хочу его выслушать.

(Сэръ Тоби, сэръ Андрей и Марія уходятъ.)

ОЛИВІЯ. Дайте мнѣ вашу руку.

ВЮЛА.

Повелѣвайте мной, графиня: я
Къ услугамъ вашимъ.

ОЛИВІЯ.

Имя ваше какъ?

ВЮЛА.

Цезарь - имя вашего слуги,
Прелестная графиня.

ОЛИВІЯ.

Мой слуга?
Не радовался свѣтъ еще ни разу,
Когда учтивостью считали лесть.
Вы, юноша, слуга Орсино.

ВЮЛА.

А онъ вашъ!
Слуга же вашего слуги обязанъ
И вашимъ быть, графиня.

О л и в и я .

Я о немъ
Не думаю; его же мысли лучше
Пусть будутъ неисписаннымъ листкомъ,
Чѣмъ мной наполнены.

В и о л а .

Графиня, я
Пришелъ, чтобъ ваши помыслы склонить
Къ нему, чье сердце полно...

О л и в и я .

Извините,
О немъ я говорить вамъ запретила.
Но если есть у васъ другая просьба,
Я выслушаю ваше предложенье
Охотнѣй, чѣмъ музыку сферъ.

В и о л а .

Графиня...

О л и в и я .

Позвольте на минуту! Прошлый разъ
Вы здѣсь произвели очарованье,
И я за вами вслѣдъ послала перстень;
Я этимъ обманула и себя,
И моего слугу, и, вѣрно, васъ.
Теперь невыгодному толкованью
Я подвергаюсь, навязавши вамъ
Съ лукавствомъ недостойнымъ эту вещь,
Принадлежащую не вамъ. Ну, что же?
Вы что подумали? Вы честь мою
Мишенью сдѣлали - и полетѣли
Въ нее всѣ необузданныя мысли,

Какъ стрѣлы изъ души властолюбивой?
Для прозорливаго ума, какъ вашъ,
Я обнаружила довольно: сердце
Мое прикрыто дымкою - не грудью.

Такъ говорите же теперь и вы.

ВІОЛА.

Я сожалѣю...

ОЛИВІЯ.

Это шагъ къ любви.

ВІОЛА.

Ни на вершокъ; изъ опыта мы знаемъ
Что часто сожалѣютъ о врагахъ.

ОЛИВІЯ.

Такъ, стало быть, опять пора смѣяться!
Какъ возгордиться нищему легко!
Но если должно пасть добычей, лучше
Попасться въ когти льву, чѣмъ въ зубы волку.

(Бьютъ часы.)

Звонъ колокольчика напомнилъ мнѣ,
Что я теряю время. Успокойтесь:
Я не желаю васъ, мой другъ. Когда же
Въ васъ молодость и умъ созрѣютъ, будетъ
Завидный у супруги вашей мужъ.
Вашъ путь идетъ туда, на западъ.

ВІОЛА.

Итакъ, на западъ! Васъ да осѣнятъ
Дары небесъ, веселіе и счастье!
А государю моему ни слова?

ОЛИВІЯ.

Скажи, что думаешь ты обо мнѣ?

ВІОЛА.

Я думаю, душа въ васъ говоритъ:
«Оливія - не то, что есть».

ОЛИВІЯ.

Такъ знай:
Я то же думаю и о тебѣ.

ВІОЛА.

Вы не ошиблись: я - не я, синьора.

ОЛИВІЯ.

Желала бы тебя я видѣть тѣмъ,
Чѣмъ я хочу.

ВІОЛА.

Когда бы я тогда
Сталъ чѣмъ-нибудь получше - я того
Желалъ бы; а теперь я вашъ дуракъ.

ОЛИВІЯ.

О, сколько прекраснаго въ этихъ устахъ,
Когда на перловыхъ въ кораллѣ зубахъ
Змѣются насмѣшка и гнѣвъ, и презрѣнье!
Любовь, ты не долго свое откровенье
Таишь, какъ сознанье кровавой вины.
Цезарю, клянусь тебѣ розой весны,
Клянусь непорочной души чистотою
И всѣмъ, что священно - любовью святою,
Тебя полюбила я, какъ ты ни гордъ!
Мой умъ передъ сердцемъ безъ силы простерть.
Зачѣмъ же себя оградилъ ты молчаньемъ,
Когда я стораю безумнымъ желаньемъ?
Цезарію, сладко въ любви тосковать,
Но слаще отвѣтъ на любовь отыскать!

ВІОЛА.

Клянусь моей юностью, въ этой груди
Есть сердце и вѣрность; но ими владѣеть
Не женщина. Кромѣ меня не посмѣетъ
Никто воцариться на тронѣ души.
Прощайте, графиня. Впередъ я не стану
Описывать графа сердечную рану. (*Уходитъ.*)

ОЛИВІЯ.

Вернись! Мое сердце ты можешь склонить
Любовью, мнѣ чуждою, графа любить!

(*Уходитъ.*)

Сцена II.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ СЭРЪ ТОБИ, СЭРЪ АНДРЕЙ и ФАБИАНЪ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Нѣтъ, ей-богу, я не останусь ни минуты дольше.

СЭРЪ ТОБИ. Почему, великолѣпная ярость? Скажи, почему?

ФАБИАНЪ. Вы непременно должны сказать намъ причину, сэръ Андрей.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Ну, я видѣлъ твою племянницу: она гораздо была ласковѣе съ слугою графа, чѣмъ со мной когда-нибудь. Тамъ въ саду я это видѣлъ.

СЭРЬ ТОБИ. А видѣла она тогда тебя, старый ребенокъ? Ну, говори!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Ясно, какъ я теперь васъ.

ФАБИАНЪ. Это сильное доказательство, что она васъ любитъ.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Чортъ возьми! Хотите вы сдѣлать изъ меня осла?

ФАБИАНЪ. Я докажу вамъ это законнымъ порядкомъ; умъ и разумъ присягнуть въ этомъ.

СЭРЬ ТОБИ. А они были присяжными, когда еще Ной не плавалъ въ ковчегѣ.

ФАБИАНЪ. Она любезничала съ этимъ молодцомъ въ вашихъ глазахъ единственно для того, чтобъ пробудить спящее мужество, наполнить огнемъ вашу грудь и пламенемъ сердце. Вамъ бы тогда подойти и заставить молчать этого молодца самыми лучшими и свѣжими, какъ съ иголки, шутками. Этого отъ васъ ожидали – и обманулись. Вы позволили времени смыть двойную позолоту этого случая, и въ мнѣніи графини поплыли на сѣверъ, гдѣ и будете висѣть, какъ ледяная сосулька на бородѣ блуждающаго голландца, пока не исправите дѣла какимъ-нибудь

518

отличнымъ порывомъ храбрости или тонкою политикой.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Коли надо этому быть, такъ надо, чтобъ храбростью. Политику я ненавижу. Для меня все равно, что политикъ, что нехристь.

СЭРЬ ТОБИ. Такъ построимъ твое счастье на фундаментѣ храбрости. Вызови графскаго посла на дуэль и изрань его въ одиннадцати мѣстахъ. Племянница моя узнаетъ объ этомъ и - будь увѣренъ - что никакая сваха въ мірѣ не отрекомендуетъ тебя женщинѣ такъ хорошо, какъ слава храбрости.

ФАБИАНЪ. Другого средства не остается, сэръ Андрей.

СЭРЬ АНДРЕЙ. Согласенъ кто-нибудь изъ васъ отнести къ нему мой вызовъ?

СЭРЬ ТОБИ. Иди и напиши его рукою Марса, дерзко и кратко. До остроумія дѣла нѣтъ, было бы краснорѣчиво да замысловато. Разругай его во весь листъ. Не помѣшаетъ, если ты ему «тыкнешь» съ поддюжины разъ. Сади ложъ на ложъ, сколько ихъ умѣстится на листѣ бумаги, будь онъ съ милю длиною. Ступай, да смотри, чтобы въ чернилахъ твоихъ нашлось довольно желчи, хоть ты и пинешь гусинымъ перомъ. Но это не важность. За дѣло!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Гдѣ мнѣ васъ найти?

СЭРЬ ТОБИ. Мы позовемъ тебя ex cubiculo. Иди только.

(Сэръ Андрей уходитъ.)

ФАБИАНЪ. Дорогой это для тебя человекъ, сэръ Тоби.

СЭРЬ ТОБИ. Да и я ему не дешево пришелся: тысячи въ двѣ-три.

ФАБИАНЪ. Мы получимъ отъ него рѣдкость - не письмо; но, вѣдь, ты его не отдашь?

СЭРЪ ТОБИ. Ужъ, конечно, нѣтъ; но все-таки буду подстрекать молодца выйти на его вызовъ. Я думаю, ихъ и волами не стащишь вмѣстѣ. Что же касается нашего рыцаря, такъ если его вскроютъ и найдутъ въ немъ крови блохъ на завтракъ – я готовъ съѣсть все остальное.

ФАБИАНЪ. Да и противникъ его, этотъ молодой человекъ, судя по лицу, не общается особенной свирѣпости.

Входитъ МАРІЯ.

СЭРЪ ТОБИ. Смотри: вотъ и соловей нашъ!

МАРІЯ. Хотите заболѣть отъ смѣха, такъ пойдите со мной. Этотъ болванъ Мальволио сдѣлался идолопоклонникомъ, настоящимъ ренегатомъ. Никакой мусульманинъ, уповающий на блаженство въ своей вѣрѣ, не вѣруеть въ такую кучу глупѣйшихъ вещей. Онъ уже въ желтыхъ чулкахъ.

СЭРЪ ТОБИ. И съ подвязками на крестъ?

МАРІЯ. Да, и гуляетъ, точно цапля въ болотѣ. Я шла за нимъ тайкомъ, какъ воръ, и знаю, что онъ сообразуется съ каждой буквой моего письма. Едва улыбнется онъ, какъ на лицѣ его является больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ обѣими Индіями. Вы не можете себѣ представить всего этого, и я едва могла удержаться, чтобъ не швырнуть ему что нибудь въ голову. Я увѣрена, что графиня дастъ ему пощечину, а онъ, улыбаясь, приметъ это, какъ особенную милость.

СЭРЪ ТОБИ. Пойдемъ, пойдемъ! Веди насъ.

(Уходятъ.)

Сцена III.

Улица.

Входятъ АНТОНІО и СЕБАСТІАНЪ.

СЕБАСТІАНЪ.

Я не хотѣлъ тебя обезпокоить;
Но если этотъ трудъ тебѣ не въ тягость,
Такъ я тебя не стану и бранить.

АНТОНІО.

Тебя покинуть я не могъ; желанье,
Острѣйшее зубчатой стали шпоръ,
Меня погнало за тобою слѣдомъ,
И не одна охота повидаться -
Хотя и этого уже довольно,
Чтобы завлечь меня въ далекій путь -
Но также и о томъ забота, какъ
Ты совершишь свой путь, страны не зная,
Которая чужому, безъ друзей

И безъ путеводителя, нерѣдко
Является угрюмою пустыней.
Вотъ опасенія мои, и съ ними
Моя любовь тѣмъ больше поспѣшила
Вслѣдъ за тобой.

СЕБАСТІАНЪ.

Мой добрый другъ Антонъ,
Благодарю, благодарю, благодарю -
Вотъ все, чѣмъ отвѣчать тебѣ могу я.
За добрыя услуги часто платятъ
Такой невыгодной монетой... Да,
Будь кошелекъ мой полонъ, какъ душа,
Ты лучшую награду получилъ бы.
Ну, чѣмъ заняться? Не пойти ли въ городъ
Взглянуть на древности его?

АНТОНІО.

До завтра:
Сперва квартиру надо поискать.

СЕБАСТІАНЪ.

Я не усталъ, и до ночи далеко.
Пожалуйста, полакомимъ глаза:

519

Пойдемъ взглянуть на славныя строенья
И монументы города.

АНТОНІО.

Нѣтъ, извини:
Мнѣ здѣсь по улицамъ ходить опасно.
Въ морскомъ сраженіи съ кораблями графа
Разъ удалось мнѣ службу сослужить
Такую, что ужъ мнѣ не оправдаться,
Когда бъ имъ удалось меня поймать.

СЕБАСТІАНЪ.

Ты много истребилъ его людей?

АНТОНІО.

Нѣтъ, мой проступокъ не такой кровавый,
Хоть обстоятельства и споръ могли
Быть поводомъ кроваваго убійства.

Конечно, дѣло можно было сладить
Вознагражденъемъ отнятыхъ вещей;
Да большая часть нашихъ добрыхъ гражданъ
И поступила такъ, торговли ради;
Но я не захотѣлъ. И такъ, мой другъ,
Мнѣ дорого придется покаяться,
Когда меня поймають здѣсь теперь.

СЕБАСТІАНЪ.

Такъ не ходи по улицамъ такъ явно.

АНТОНІО.

И не пойду. На, вотъ мой кошелекъ.
Квартиры лучшія въ предмѣстьи Юга.
Въ гостинницѣ подъ вывѣской Слона
Я закажу обѣдъ, а ты покамѣсть
Умножь познанья, исходивши городъ,
И время за носъ поводи. Меня
Найдешь въ гостинницѣ.

СЕБАСТІАНЪ.

Къ чему мнѣ кошелекъ?

АНТОНІО.

На случай, если что-нибудь себѣ
Купить захочешь, чтобы не нуждаться.

СЕБАСТІАНЪ.

И такъ, твоимъ я буду казначеемъ.
Прощай же.

АНТОНІО.

Жду подъ вывѣской Слона.

СЕБАСТІАНЪ.

Явлюсь - не позабуду. (*Уходятъ.*)

Сцена IV.

Садъ Оливіи.

Входятъ Оливія и Марія.

Оливія.

За нимъ послала я. Когда придетъ онъ,
Какъ угостить его? Чѣмъ подарить?
Для молодости золото такъ мило!
Я говорю такъ громко! Гдѣ Мальволио?

Онъ вѣжливъ и торжественъ. Въ этомъ дѣлѣ
Такой слуга съ руки. Мальволио!

МАРІА.

Онъ
Идетъ сюда, графиня; только странень
До крайности. Онъ, вѣрно, помѣшался.

ОЛИВІА.

Что случилось съ нимъ? Онъ бредить?

МАРІА.

Нѣтъ, нисколько:
Онъ только улыбается. Не худо,
Чтобъ кто-нибудь, графиня, былъ при васъ
На всякій случай. Право, онъ рехнулся.

ОЛИВІА.

Поди-ка позови его скорѣй.

(Марія уходитъ.)

И я безумная, какъ онъ, когда
Веселое безумство сходно съ грустнымъ.

МАРІА *возвращается съ* МАЛЬВОЛІО.

ОЛИВІА. Какъ поживаешь, Мальволио?

МАЛЬВОЛІО *(улыбаясь фантастически.)* Прелестная графиня! хе!-хе!

ОЛИВІА. Ты улыбаешься? А я позвала тебя по серьезному дѣлу.

МАЛЬВОЛІО. По серьезному, графиня? Конечно, я могъ бы быть серьезнымъ, такъ какъ эти подвязки накрестъ останавливаютъ и сгущаютъ кровь. Впрочемъ, что за дѣло? Если же это пріятно взорамъ одной, то я готовъ повторить этотъ правдивый сонетъ: «Когда я нравлюся одной, то нравлюсь всѣмъ, само-собой!»

ОЛИВІА. Что съ тобою, Мальволио? Здоровъ ли ты?

МАЛЬВОЛІО. У меня не фальшивое сердце, хотя и желтые чулки. Письмо въ моихъ рукахъ, и повелѣнія должны быть исполнены. Надѣюсь, я знаю этотъ прекрасный римскій почеркъ.

ОЛИВІА. Не лечь ли тебѣ въ постель, Мальволио?

МАЛЬВОЛІО. Въ постель? Да, душа моя, я приду къ тебѣ.

ОЛИВІА. Господь съ тобой! Съ какой стати ты улыбаешься и безпрестанно посылаешь воздушные поцѣлуи?

МАРІА. Какъ ваше здоровье, Мальволио?

МАЛЬВОЛІО. Вамъ желательно знать? Но развѣ соловьи отвѣчаютъ сорокамъ?

МАРІА. Что это значить, что вы являетесь къ графинѣ съ такимъ смѣшнымъ безстыдствомъ?

МАЛЬВОЛІО. «Не бойся величія.» Это было прекрасно сказано.

ОЛИВІЯ. Что ты хочешь этимъ сказать, Мальволіо?

МАЛЬВОЛІО. «Одни родятся великими»...

ОЛИВІЯ. Ну?

МАЛЬВОЛІО. «Другіе пріобрѣтають величіе.»

ОЛИВІЯ. Что ты говоришь?

МАЛЬВОЛІО. «А инымъ его бросаютъ».

ОЛИВІЯ. Да поможетъ тебѣ Небо!

МАЛЬВОЛІО. «Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки...»

ОЛИВІЯ. Твои желтые чулки?

МАЛЬВОЛІО. «Кто желалъ тебѣ видѣть съ на-крестъ завязанными подвязками...»

ОЛИВІЯ. Съ подвязками на-крестъ?

МАЛЬВОЛІО. «Смѣлѣй: счастье къ твоимъ услугамъ, если ты только хочешь...»

ОЛИВІЯ. Къ моимъ услугамъ?

МАЛЬВОЛІО. «Если жъ нѣтъ, такъ оставайся навсегда слугою.»

ОЛИВІЯ. Да это совершенное безуміе!

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА. Ваше сіятельство, молодой кавалеръ отъ графа Орсино пришелъ снова, и я едва уговорилъ его подождать. Онъ ожидаетъ вашихъ приказаній.

ОЛИВІЯ. Сейчасъ приду. *(Слуга уходитъ.)* Любезная Марія, пожалуйста, позаботься объ этомъ человѣкѣ. Гдѣ Тоби? Пусть двое изъ моихъ людей хорошенько за нимъ присматриваютъ. Ни за что въ мірѣ не желала бы я, чтобъ съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье. *(Оливія и Марія уходятъ.)*

МАЛЬВОЛІО. А-га! еще яснѣе! Да-съ! Не кто-нибудь, а самъ сэръ Тоби долженъ обо мнѣ заботиться, что совершенно согласно съ письмомъ. Она нарочно посылаетъ его ко мнѣ, чтобъ я обошелся съ нимъ грубо, о чемъ сказано и въ письмѣ. «Сбрось эту смиренную оболочку», пишетъ она: «и будь грубъ съ моимъ родственникомъ, ворчи на прислугу; отъ устъ твоихъ да зазвучать рѣчи политическія; веди себя сдержанно». И прибавляетъ затѣмъ, что при этомъ необходимы: «серьезное лицо, важная поступь, медленная рѣчь, на манеръ вельможъ» и тому подобное. Попалась, голубушка! Конечно, это милость боговъ, и боги найдутъ меня благодарнымъ. А слова при уходѣ: «позаботьтесь объ этомъ человѣкѣ.» Не о Мальволіо, не о дворецкомъ, а о человѣкѣ! Да, все въ наилучшей гармоніи: ни скрупула, ни грана сомнѣнія, никакого препятствія, никакого невѣроятнаго или двусмысленнаго обстоятельства. Что тутъ возразить? Ничто не можетъ стать между мною и далекой перспективой моихъ надеждъ. Боги, а не я, совершили это - и имъ принадлежитъ благодареніе.

МАРІЯ возвращается съ СЭРОМЪ ТОБИ и ФАБІАНОМЪ.

СЭРЪ ТОБИ. Гдѣ онъ, во имя Трисвятого? Я заговорю съ нимъ, хотя бы въ него вселились всѣ бѣсы ада, хотя бы имъ обладалъ цѣлый легіонъ ихъ.

ФАБІАНЪ. Вотъ онъ! вотъ онъ! Что съ вами, сударь? что съ вами, почтеннѣйшій?

МАЛЬВОЛІО. Ступайте – я отпускаю васъ. Оставьте меня наслаждаться моимъ уединеніемъ. Ступайте прочь!

МАРІЯ. Прислушайтесь, какъ глухо говорить въ немъ лукавый! Не говорила ли я вамъ? Сэръ Тоби, графиня проситъ васъ позаботиться о немъ.

МАЛЬВОЛІО. Э-ге! въ самомъ дѣлѣ?

СЭРЪ ТОБИ. Тише, тише! съ нимъ должно обходиться ласково. Оставьте - ужъ я знаю какъ. Что съ тобой Мальволио? Здоровъ ли ты? Что жъ, другъ мой, сатанѣ должно противиться; подумай, вѣдь, онъ врагъ человѣка.

МАЛЬВОЛІО. Знаете ли, что вы говорите?

МАРІЯ. Видите, какъ онъ принимаетъ къ сердцу, когда говорятъ худо о сатанѣ! Дай Богъ, чтобъ онъ не былъ заколдованъ!

ФАБІАНЪ. Позвать бы ворожею.

МАРІЯ. Завтра же утромъ, непременно. Графиня ни за что въ мірѣ не хотѣла бы его лишиться.

МАЛЬВОЛІО. Ты думаешь?

МАРІЯ. О, Господи!

СЭРЪ ТОБИ. Пожалуйста, замолчи! Это совсѣмъ не то, и развѣ вы не видите, что вы его только раздражаете? Оставьте: ужъ я одинъ справлюсь.

ФАБІАНЪ. Не иначе, какъ ласкою: лукавый золь и не терпитъ возраженій.

СЭРЪ ТОБИ. Ну, что ты подѣлываешь, голубокъ мой? Какъ поживаешь, мой цыпленочекъ?

МАЛЬВОЛІО. Милостивый государь.

СЭРЪ ТОБИ. Поди сюда! Цыпъ, цыпъ! Нѣтъ, сударь, каждому человѣку не пристало играть съ сатаною въ бабки. Изыди, окаянный!

МАРІЯ. Заставьте его проговорить молитву, добрѣйшій сэръ Тоби, заставьте его молиться.

МАЛЬВОЛІО. Молиться, выдра?

МАРІЯ. Видите, я вамъ говорила: онъ и слышать не хочетъ о страхѣ божіемъ.

МАЛЬВОЛІО. Убирайтесь на висѣлицу! Болваны, ничтожныя твари, не къ вашей сферѣ принадлежу я. Вы еще обо мнѣ услышите. *(Уходитъ.)*

СЭРЪ ТОБИ. Возможно ли?

ФАБІАНЪ. Если представить на сценѣ, я бы назвалъ это, можетъ-быть, неправдоподобной выдумкой.

СЭРЪ ТОБИ. Голова его биткомъ набита нашей шуткой.

МАРІЯ. Такъ не отставайте отъ него, чтобъ шутка наша не выдохлась.

ФАБІАНЪ. Право мы, его сведемъ съ ума.

СЭРЬ ТОБИ. Пойдемъ, свяжемъ его и засадимъ въ темную комнату. Племянница моя уже увѣрена, что онъ сошелъ съ ума, и мы можемъ продолжать нашу шутку себѣ на потѣху, а ему на покаяніе по тѣхъ поръ, пока намъ самимъ не надоѣстъ; а тогда можно и сжалиться. Мы поведемъ дѣло судебнымъ порядкомъ, а ты, амазонка, его освидѣтельствуй. Смотри!

Входитъ СЭРЬ АНДРЕЙ.

ФАБИАНЪ. Еще масляница!

СЭРЬ АНДРЕЙ Вотъ вамъ вызовъ: читайте! Ручаюсь, что соли и перцу довольно.

ФАБИАНЪ. Ужели онъ такъ дерзко написанъ?

СЭРЬ АНДРЕЙ. Ну - да, ручаюсь. Прочтите только.

СЭРЬ ТОБИ. Подай сюда. (*Читаетъ.*) «Молодой человѣкъ! Кто бы ты ни былъ, ты все-таки собака.»

ФАБИАНЪ. Изящно и храбро!

СЭРЬ ТОБИ (*читаетъ*). «Не удивляйся и не изумляйся въ душѣ своей, почему я тебя такъ называю, такъ какъ не говорю тебѣ причины.»

ФАБИАНЪ. Славный крючекъ! На нѣтъ и суда нѣтъ.

СЭРЬ ТОБИ (*читаетъ*). «Ты приходишь къ графинѣ Оливіи, и она любезничаютъ съ тобой въ моихъ глазахъ. Но ты лжешь - я тебя вовсе не за это вызываю.»

ФАБИАНЪ. Удивительно кратко и искусно при безвкуси!

СЭРЬ ТОБИ (*читаетъ*). «Я поддержу тебя на возвратномъ пути домой, и если ты будешь столько счастливъ, что убьешь меня...»

ФАБИАНЪ. Славно!

СЭРЬ ТОБИ (*читаетъ*). «То ты убьешь меня, какъ мерзавецъ и мошенникъ.»

ФАБИАНЪ. Ты все отъ выстрѣла въ сторону.

СЭРЬ ТОБИ (*читаетъ*). «Прощай - и Господь да помилуетъ одну изъ нашихъ душъ! Онъ можетъ помиловать и мою; но я надѣюсь на лучшее. Итакъ - берегись! Твой другъ, смотря по тому, какъ ты меня встрѣтишь, или твой заклятый врагъ - Андрей Эгчикъ.» Если это письмо его не взорветъ, такъ его и порохомъ не сдвинешь съ мѣста. Я отдамъ ему его.

МАРІЯ. Вы сейчасъ можете это сдѣлать: онъ теперь разговариваетъ съ графиней и скоро уйдетъ.

СЭРЬ ТОБИ. Ступай, сэръ Андрей, и подстереги его у садовой рѣшетки, какъ охотникъ зайца. Только что увидишь его, обнажи шпагу и окати его потокомъ ужаснѣйшихъ клятвъ. Часто случается, что какъ проревешь медвѣжьимъ басомъ самую наужаснѣйшую изъ клятвъ, такъ прослынешь храбрымъ гораздо больше, чѣмъ отъ настоящаго дѣла. Маршъ!

СЭРЬ АНДРЕЙ. Ну, ужъ клясться я сумѣю.

(Уходитъ.)

СЭРЬ ТОБИ. Письма-то я, конечно, не отдамъ. Обращеніе этого молодого человѣка доказываетъ, что онъ уменъ и хорошо воспитанъ, да и дѣла его съ моею племянницею подтверждаютъ это. Итакъ, письмо не испугаетъ его, такъ какъ оно глупо какъ нельзя болѣе, и онъ тотчасъ смекнетъ, что оно

написано осломъ. вмѣсто того, я изустно передамъ ему вызовъ, наговорю съ три короба о храбрости Андрея и поселю въ немъ высокое мнѣніе о его ярости, ловкости и вспыльчивости. Онъ такъ молодъ, что повѣритъ всему. Это обоихъ ихъ такъ перепугаетъ, что они уничтожатъ другъ друга глазами, какъ василиски.

Входятъ Оливія и Віола.

ФАБІАНЪ. Вотъ онъ съ твоей племянницей. Оставимъ его съ ней проститься, а тамъ и на приступъ.

СЭРЪ ТОБИ. А между тѣмъ я выдумаю самыя страшныя выраженія для вызова.

(Сэръ Тоби, Фабіанъ и Марія уходятъ.)

ОЛИВІЯ.

Ужъ слишкомъ много высказала я
Для сердца каменнаго. Честь мою
Я необдуманно опасности подвергла:
Меня въ проступкѣ что-то укоряетъ,
Но онъ такъ необузданъ и силенъ,
Что насмѣхается надъ укоризной.

ВІОЛА.

Какъ душу вамъ снѣдаетъ злая страсть,
Такъ отъ нея и мой монархъ страдаетъ.

ОЛИВІЯ.

Прошу, несите изъ любви ко мнѣ
Вотъ этотъ перстень: это мой портретъ.
Не откажите - мучить васъ не станетъ
Онъ болтовней своей - и приходите,
Прошу васъ, завтра поутру опять.
Въ какой изъ просьбъ могу я отказать,
Когда она не обижаетъ чести.

ВІОЛА.

Прошу любви одной я для монарха.

ОЛИВІЯ.

Могу ль отдать я безъ ущерба чести
Монарху то, что вамъ ужъ отдала?

ВІОЛА.

Я разрѣшаю.

ОЛИВІЯ.

Хорошо; но завтра
Будь здѣсь. Злой духъ такой, какъ ты, другъ мой,

Способенъ въ адъ увлечь меня съ собой!

(Уходитъ.)

СЭРЪ ТОБИ и ФАБІАНЪ *возвращаются.*

СЭРЪ ТОБИ. Здравствуй, молодой человекъ!

ВІОЛА. Здравствуйте, сударь.

522

СЭРЪ ТОБИ. Какое бы оружіе съ тобою ни было, изготовь его. Какого рода обиду ты ему нанесъ – я не знаю; но твой противникъ, разъяренный и кровожадный, какъ тигръ, ожидаетъ тебя у садовой рѣшетки. Шпагу наголо! Не мѣшай! Твой непріятель скоръ, ловокъ и убійственъ.

ВІОЛА. Вы ошибаетесь, сударь: я увѣренъ, что у меня ни съ кѣмъ нѣтъ ссоры. Память моя не представляетъ мнѣ никакой нанесенной мною обиды.

СЭРЪ ТОБИ. Увѣряю васъ, что вы увѣритесь въ противномъ, и если вы хоть сколько-нибудь дорожите своею жизнью, будьте осторожны; на сторонѣ вашего противника всѣ выгоды, какія только можетъ доставить молодость, сила, ловкость и гнѣвъ.

ВІОЛА. Скажите же, пожалуйста, кто онъ?

СЭРЪ ТОБИ. Онъ рыцарь, возведенный въ это достоинство прикосновеніемъ незазубреннаго меча на шитомъ коврѣ; но въ поединкѣ онъ сущій чортъ: онъ уже трижды отдѣлилъ душу отъ тѣла – и гнѣвъ его въ эту минуту такъ непримиримъ, что нѣтъ ему другого удовлетворенія, кромѣ смерти и похоронъ. Валяй! Девизъ его: «или панъ, или пропаль!»

ВІОЛА. Я возвращусь въ домъ и выпрошу у графини провожатыхъ. Я не забіяка. Слышалъ, правда, что есть люди, которые нарочно завязываютъ ссоры съ другими въ доказательство своей храбрости. Можетъ-быть, и онъ того же десятка.

СЭРЪ ТОБИ. Нѣтъ, сударь: гнѣвъ его основанъ на существенной обидѣ. Итакъ - впередъ! Вы должны съ нимъ драться. Вы не войдете въ домъ, не подравшись со мною, а драться вы можете все равно и съ нимъ. Итакъ, впередъ, или обнажайте сейчасъ вашу шпагу. Драться вы должны – это рѣшено, или должны навсегда отказаться отъ права носить шпагу.

ВІОЛА. Это столько же неучтиво, какъ и странно. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, спросите, чѣмъ я его обидѣлъ. А если случилось, то, вѣрно, безъ умысла, по неосторожности.

СЭРЪ ТОБИ. Извольте! Фабіанъ, останься съ нимъ, пока я ворочусь.
(Уходитъ.)

ВІОЛА. Вы, милостивый государь, знаете что-нибудь объ этой ссорѣ?

ФАБІАНЪ. Я знаю только, что онъ очень на васъ золъ и будетъ драться не на жизнь, а на смерть. Больше мнѣ ничего неизвѣстно.

ВІОЛА. Скажите, что онъ за человекъ?

ФАБІАНЪ. Наружность его не обѣщаетъ ничего необыкновеннаго; но на дѣлѣ узнаете его мужество. По-истинѣ онъ самый ловкій, кровожадный и

опасный соперникъ во всей Иллирии. Угодно вамъ итти ему навстрѣчу: я васъ помирю, если возможно.

ВІОЛА. Я бы вамъ былъ очень благодаренъ. По мнѣ лучше имѣть дѣло со священникомъ, чѣмъ съ рыцаремъ: я не забочусь о томъ, считаютъ ли меня храбрымъ. (*Уходятъ.*)

Сцена V.

Улица подлѣ сада Оливии.

Входятъ СЭРЪ ТОБИ и СЭРЪ АНДРЕЙ.

СЭРЪ ТОБИ. Да, братецъ, это чортъ, а не человѣкъ! Я еще не видывалъ такого рубаки. Я пошелъ-было съ нимъ на ножнахъ - такъ, для пробы; но онъ выпадаетъ съ такою дьявольскою быстротою, что хоть брось, и если онъ отпарировалъ, то наноситъ ударъ такъ же вѣрно, какъ нога касается земли, когда сдѣлаешь шагъ. Онъ былъ, говорятъ, первымъ фехтовальщикомъ у турецкаго султана.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Чортъ возьми! Я не хочу съ нимъ драться!

СЭРЪ ТОБИ. Да ужъ теперь онъ самъ нейдетъ назадъ. Фабіанъ едва его тамъ сдерживаетъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Провались онъ! Если бъ я зналъ, что онъ такой бойкій и мастеръ драться, такъ чортъ бы его взялъ прежде, чѣмъ я его вызвалъ. Постарайся только, чтобъ онъ бросилъ это дѣло - и я дамъ ему моего сѣраго жеребца.

СЭРЪ ТОБИ. Пожалуй, я сдѣлаю ему это предложеніе. Погоди здѣсь - и держи себя бодрѣе. (*Въ сторону.*) Это кончится безъ крови и убійства. А на твоей лошаdkѣ я поѣзжу такъ же, какъ и на тебѣ, дружокъ.

Входятъ ФАБІАНЪ и ВІОЛА.

СЭРЪ ТОБИ (*Фабіану*). Онъ даетъ свою лошадь за мировую. Я увѣрилъ его, что этотъ молокососъ чуть не самъ дьяволъ.

ФАБІАНЪ (*сѣру Тоби*). А тотъ также почтительно думаетъ о нашемъ рыцарѣ. Онъ блѣденъ и дрожитъ, какъ-будто у него медвѣдь за спиною.

СЭРЪ ТОБИ (*Виоль*). Нѣтъ спасенія, сударь: онъ непременно хочетъ съ вами драться, потому что поклялся. Что же касается ссоры, такъ онъ одумался и видитъ теперь, что дѣло не стоитъ порядочнаго слова. Итакъ, обнажите шпагу, чтобъ дать ему возможность не нарушить своей клятвы. Онъ увѣряетъ, что не нанесетъ вамъ вреда.

ВІОЛА (*въ сторону*). Боже, еще немного - и я признаюсь, какой я мужчина.

ФАБІАНЪ. Когда замѣтите, что онъ разгорячился, то отступайте.

СЭРЪ ТОБИ. Что, братъ Андрей, нѣтъ

спасенія? Впрочемъ, онъ хочетъ сразиться съ тобою только чести-ради, такъ какъ безъ этого нельзя обойтись по законамъ дуэли; но онъ далъ мнѣ свое рыцарское слово, что не причинитъ тебѣ вреда. Живѣй же!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Дай Богъ, чтобы онъ сдержалъ свое слово! (*Обнажаетъ шпагу.*)

ВІОЛА (*обнажая шпагу*). Увѣряю васъ, что это противъ моей воли.

Входитъ АНТОНІО.

АНТОНІО (*сѣру Андрею*).

Стой - и въ ножны вложите вашу шпагу!
Когда васъ этотъ юноша обидѣлъ,
Я за него дерусь; а если вы
Его обидѣли, такъ васъ зову на бой.

СЭРЪ ТОБИ.

Какъ, сударь, вы? Да вы-то кто такой?

АНТОНІО.

Я тотъ, кто больше за своихъ друзей
На дѣлѣ дѣлаетъ, чѣмъ говоритъ.

СЭРЪ ТОБИ (*обнажая шпагу*). Если вы такъ напрашиваетесь, такъ я къ вашимъ услугамъ.

Входятъ двое ПОЛИЦЕЙСКИХЪ.

ФАБИАНЪ. Остановись, Тоби! Чортъ полицію принесъ.

СЭРЪ ТОБИ (*къ Антонию*). Мы послѣ поговоримъ.

ВІОЛА (*сѣру Андрею*). Вложите вашу шпагу, если вамъ угодно.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Ей-богу - угодно! А что до того, что я вамъ обѣщаль, такъ я сдержу мое слово. Онъ хорошо выѣзженъ и не твердоуздъ.

1-й ПОЛИЦЕЙСКІЙ. Вотъ онъ - исполняй свою обязанность.

2-й ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

По повелѣнью герцога, подъ стражу
Я васъ беру.

АНТОНІО.

Любезный, вы ошиблись!

1-й ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Ничуть: я васъ немедленно узналъ,
Хоть вы теперь и не въ матросской шапкѣ.
Бери его: онъ знаетъ, что я знаю.

АНТОНІО (*Віоль*).

Я повинуюсь: это же случилось
Все оттого, что я пошелъ искать васъ.
Что жъ дѣлать, другъ: пришлось поплатиться!

Что предпринять намѣрены вы? Я жъ,
Гонимый нуждой, долженъ васъ просить
Мнѣ кошелекъ, вамъ данный, возвратить.
О, мысль, что я помочу ужъ вамъ не въ силѣ
Грызеть меня сильнѣе, чѣмъ арестъ!
Я удивилъ васъ. О, не унывайте!

2-й Полицейскій. Пожалуйте, сударь.

АНТОНІО.

Я принужденъ просить васъ возвратить
Хоть часть изъ вамъ мной данныхъ денегъ.

ВІОЛА.

Деньги!
За теплое участіе ко мнѣ,
Которое вамъ много повредило
И довело отчасти до тюрьмы,
Я удѣлить готовъ вамъ половину
Изъ скудныхъ средствъ моихъ.

АНТОНІО.

Ужель отречься
Рѣшились вы? Ужель мои услуги
Я долженъ вамъ доказывать словами?
Не искушайте горя моего
И устъ моихъ дойти не заставляйте
До вычисленья ихъ предъ вами здѣсь!

ВІОЛА.

Увы, изъ нихъ не знаю ни одной,
Да и лицо мнѣ ваше незнакомо;
Неблагодарность же мнѣ ненавистнѣй лжи,
И хвастовства, и гордости, и пьянства,
И всѣхъ другихъ пороковъ, что живутъ
И властвуютъ въ крови, какъ острый ядъ.

АНТОНІО.

О, правосудный Богъ!

2-й Полицейскій.

Пойдемте, сударь!
Прошу итти.

АНТОНІО.

Постой - два слова только!
Стоящаго здѣсь юношу межъ вами

Я выхватилъ почти изъ пасти смерти;
Берегъ его съ любовію святой,
И передъ его наружностью склонялся,
Надѣясь духъ подъ ней найти высокій.

1-й ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Что намъ до этого за дѣло? Время
Летитъ стрѣлой - и намъ пора итти.

АНТОНІО.

И истуканомъ стало божество!
Ты свѣтлый ликъ навѣкъ свой обезчестилъ,
Себастьянъ! природу очернила
Твоя душа: она мнѣ заплатила
Неблагодарностью. Добро - есть красота,
Но зло прекрасное - есть пустота,
Одѣтая въ блестящую одежду.

1-й ПОЛИЦЕЙСКІЙ. Онъ съ ума сходитъ. Ведите его! Пойдемъ, пойдемъ!
АНТОНІО. Ведите.

(Уходитъ съ полицейскими.)

ВІОЛА.

Онъ говорилъ такъ бурно. Вѣритъ онъ
Своимъ словамъ; но я ему не вѣрю.
О если бъ вы сбылись, мои мечты!
О если бъ, братъ, изъ волнъ спасень былъ ты!

СЭРЪ ТОБИ.

Андрей и Фабіанъ, въ кабакъ направимъ путь,
Гдѣ, можетъ-быть, втроемъ сриѣмемъ что-нибудь!

524

ВІОЛА.

Онъ называлъ меня Себастьяномъ!
Мой братъ былъ схожъ лицомъ со мною точно
И, какъ мое, носилъ такое жъ платье.
О, если рокъ осуществитъ надежду,
Тогда смерчи и гибельныя волны
Въ моихъ глазахъ любви будутъ полны!

(Уходитъ.)

СЭРЪ ТОБИ. Самый безчестный, ничтожный молокососъ и болѣе трусливый, чѣмъ заяцъ. Что онъ безчестенъ, это видно изъ того, что онъ

оставилъ друга въ нуждѣ и отрекся отъ него. Что же касается его трусости, то спроси о томъ у Фабіана.

ФАБІАНЪ. Трусъ, самый отъявленнѣйшій изъ всѣхъ трусовъ!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Чортъ возьми, догоню и отвалю его!

СЭРЪ ТОБИ. Дѣло! Колоти его, только не обнажай шпаги.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Еще бы не колотить!

ФАБІАНЪ. Пойдемъ, посмотримъ, чѣмъ все это кончится.

СЭРЪ ТОБИ. Держу, что хочешь, что изъ этого все-таки ничего не выйдетъ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена I.

Улица передъ домомъ Оливіи.

Входятъ СЕБАСТІАНЪ и ДУРАКЪ.

ДУРАКЪ. Такъ вы хотите увѣрить меня, что я не къ вамъ посланъ?

СЕБАСТІАНЪ.

Довольно - ты, я вижу, ловкій парень,
И потому - оставь меня въ покоѣ!

ДУРАКЪ. Славно сыграно! Значитъ, я васъ не знаю, и графиня не къ вамъ меня послала, чтобъ пригласить къ ней на пару словъ, и зовутъ васъ не Цезаріо, и это не мой носъ. Словомъ - все не такъ, какъ оно есть.

СЕБАСТІАНЪ.

Поди и расточай твое безумье
Передъ другими. Ты меня не знаешь.

ДУРАКЪ. Расточать свое безумье! Это словечко подслушалъ онъ о какой-нибудь знатной особѣ и примѣняетъ его къ дураку. Расточать свое безумье! Право, того и смотри, что этотъ огромный болванъ, свѣтъ, сдѣлается моднымъ франтомъ. Пожалуйста, брось свои причуды и скажи, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ расточиться передъ графиней? Не пріятною ли вѣстью о томъ, что ты придешь?

СЕБАСТІАНЪ.

Оставь меня въ покоѣ, глупый сводникъ!
Вотъ деньги - на, а не уйдешь - тебя
Я награжу и худшею монетой.

ДУРАКЪ. Клянусь честью, у тебя щедрая рука. Мудрецы, дающіе деньги дуракамъ пріобрѣтаютъ тѣмъ себѣ добрую славу, если лѣтъ съ дюжину не перестаютъ набивать ихъ карманы.

Входятъ: СЭРЪ ТОБИ, СЭРЪ АНДРЕЙ и ФАБІАНЪ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. А, сударь, попались! Вотъ вамъ! (*Бьетъ его*).

СЕБАСТІАНЪ (*бьетъ его*). А вотъ тебѣ и сдача съ одолженіемъ! Да здѣсь всѣ перебѣсились?

СЭРЪ ТОБИ. Остановись, или шпага твоя полетитъ къ чорту!

ДУРАКЪ. Сейчасъ все расскажу графинѣ. Я и за гривну не хотѣлъ бы сидѣть въ какой-нибудь изъ вашихъ шкуръ. (*Уходитъ*.)

СЭРЪ ТОБИ (*хватая Себастіана*). Перестаньте, будетъ!

СЭРЪ АНДРЕЙ. Оставь его – я иначе съ нимъ расправлюсь: я подамъ на него жалобу и, если въ Иллиріи есть еще законы, обвиню его, хоть я и первый ударилъ, что, впрочемъ, вздоръ.

СЕБАСТІАНЪ. Прочь руку!

СЭРЪ ТОБИ. Э! не хочу - и дѣло съ концомъ. Шпагу въ ножны, герой! Хотя ты и храбръ, но все-таки довольно.

СЕБАСТІАНЪ (*вырываясь*).

Все жъ вырвусь я. Ну, что теперь ты скажешь?

Ступай, а нѣтъ - такъ шпагу вынимай.

(*Обнажаетъ шпагу*).

СЭРЪ ТОБИ. Что? что? Такъ, стало-быть, непременно нужно выпустить унца два твоей розовой крови? (*Обнажаетъ шпагу*).

Входитъ Оливія.

ОЛИВІЯ.

Стой, Тоби, если жизнью дорожишь!
Ужели никогда твои поступки
Не перемѣнятся? Неблагодарный!
Ты сотворенъ, чтобъ жить въ глухихъ степяхъ,
Въ скалахъ, гдѣ общежитія не знаютъ.
Прочь съ глазъ моихъ! А ты не оскорбляйся,
Цезаріо мой добрый! (*Тоби*.) Прочь, дерзкій!

(*Сэръ Тоби, Андрей и Фабіанъ уходятъ*.)

Мой милый другъ, не предавайся гнѣву
И сохрани владычество ума
Надъ этимъ грубымъ, дерзкимъ нападеніемъ
На твой покой. Пойдемъ: я расскажу
Тебѣ про шутки буйныя его -
И самъ же ты надъ ними посмѣешься.
Ты долженъ быть со мной - не откажи.
Будь проклятъ онъ! Тебя онъ оскорбилъ;
Въ тебѣ мое онъ сердце огорчилъ.

СЕБАСТІАНЪ.

Откуда этотъ вихрь, видѣній полный?

Въ безумствѣ я или въ глубокомъ снѣ?
 Такъ усыпите жъ чувства, Леты волны!
 Въ такихъ мечтахъ не пробудиться мнѣ!

ОЛИВІЯ.

Пойдемъ, пойдемъ! Иди за мною смѣло.

СЕБАСТІАНЪ.

Охотно.

ОЛИВІЯ.

Слово будь отнынѣ дѣло. (*Уходятъ.*)

Сцена II.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ МАРІЯ и ДУРАКЪ.

МАРІЯ. Пожалуйста, надѣнь вотъ эту рясу, да прицѣпи бороду и увѣрь его, что ты отецъ Спиридонъ. Поспѣши, а я позову между тѣмъ Тоби. (*Уходитъ.*)

ДУРАКЪ. Прекрасно: надѣну рясу и прикинусь попомъ. Да, впрочемъ, не я первый прячусь подъ нею. Я не такъ важенъ, чтобъ могъ сдѣлать честь моему званію, и не такъ тощъ, чтобъ прослыть за ученаго; однакоже быть честнымъ человѣкомъ и хорошимъ хозяиномъ не хуже, чѣмъ прослыть великимъ ученымъ. Но вотъ мои товарищи.

Входятъ СЭРЪ ТОБИ и МАРІЯ.

СЭРЪ ТОБИ. Да благословить васъ Іегова, отецъ Спиридонъ!

ДУРАКЪ. *Vonos dies*, сэръ Тоби. Какъ сѣдовласый прагскій отшельникъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, очень мудро сказалъ племянницѣ царя Горбодука: *то, что есть – есть*; такъ и я, поколику я патеръ Спиридонъ, потолику я патеръ Спиридонъ. Ибо что такое *то*, если не *то*, и *есть*, если не *есть*?

СЭРЪ ТОБИ. Поговорите съ нимъ, отецъ Спиридонъ.

ДУРАКЪ. Эй, кто тамъ? Да будетъ миръ въ сей темницѣ!

СЭРЪ ТОБИ. Каналья хорошо подражаетъ: ловкая каналья!

МАЛЬВОЛІО (*за сценой*). Кто меня зоветъ?

ДУРАКЪ. Патеръ Спиридонъ, пришедшій посѣтитъ одержимаго бѣсомъ Мальволио.

МАЛЬВОЛІО. Отецъ Спиридонъ, отецъ Спиридонъ, добрый отецъ Спиридонъ, сходите къ барышнѣ!

ДУРАКЪ. Изыди, окаянный! Зачѣмъ истязуешь ты сего человѣка и говоришь только о барышняхъ?

СЭРЪ ТОБИ. Премудро сказано, отецъ Спиридонъ!

МАЛЬВОЛЮ. Отецъ Спиридонъ, такъ жестоко еще никого вы не обижали. Отецъ Спиридонъ, не вѣрьте, что я сошелъ съ ума. Они засадили меня въ ужасную темноту.

ДУРАКЪ. Сатана нечистый! Я называю тебя нѣжнѣйшимъ изъ твоихъ именъ, ибо я одна изъ тѣхъ кроткихъ душъ, которыя даже и съ чортомъ обращаются вѣжливо. Ты говоришь, что въ комнатѣ темно?

МАЛЬВОЛЮ. Какъ въ аду, отецъ-Спиридонъ.

ДУРАКЪ. Однакожъ въ ней есть окна, прозрачныя, какъ ставни и свѣтлые камни, что на сѣверо-югѣ свѣтятъ, какъ сажа, а ты жалуешься на темноту.

МАЛЬВОЛЮ. Я не сумасшедшій, отецъ Спиридонъ: говорю вамъ, что эта комната темна.

ДУРАКЪ. Безумный, ты въ заблужденіи. Но я говорю, что нѣсть тьмы, кромѣ незнанія, въ которомъ ты погруженъ больше, чѣмъ египтяне въ ихъ туманахъ.

МАЛЬВОЛЮ. Я говорю, что эта комната темна, какъ незнаніе, будь оно темно, какъ самъ адъ. Повторяю, что никого еще не обижали такъ жестоко. Я сумасшедшій столько же, какъ и вы. Предложите мнѣ порядочные вопросы для испытанія.

ДУРАКЪ. Въ чемъ состоитъ ученіе Пифагора касательно дикихъ утокъ?

МАЛЬВОЛЮ. Въ томъ, что душа нашей бабушки можетъ жить въ уткѣ.

ДУРАКЪ. Что ты думаешь объ этомъ ученіи?

МАЛЬВОЛЮ. Я благородно думаю о душѣ и не причастенъ его ученію.

ДУРАКЪ. Прощай! Оставайся во тьмѣ. Прежде, чѣмъ я признаю въ тебѣ здравый разумъ, ты долженъ признать ученіе Пифагора и бояться убить утку, чтобъ не изгнать души твоей бабушки. Прощай!

МАЛЬВОЛЮ. Отецъ Спиридонъ! Отецъ Спиридонъ!

СЭРЪ ТОБИ. Ай да отецъ Спиридонъ!

ДУРАКЪ. Не правда ли, что мнѣ все къ лицу?

МАРІЯ. Ты могъ бы окончить дѣло безъ рясы и бороды: онъ тебя не видитъ.

СЭРЪ ТОБИ. Теперь заговори съ нимъ своимъ голосомъ и приди мнѣ сказать, какъ ты его найдешь. Какъ бы было хорошо развязаться съ этой шуткой добромъ! Если можно выпустить его кстати, такъ пусть себѣ идетъ, потому что мои отношенія къ графинѣ теперь такъ дурны, что я не могу безопасно дотянуть шутку до конца. Приходи ко мнѣ въ комнату.

(Сэръ Тоби и Марія уходятъ.)

ДУРАКЪ *(поетъ)*.

Ваня, ты скажи,
Любитъ ли тебя
Душенька твоя?

МАЛЬВОЛЮ. Дуракъ!

ДУРАКЪ (поетъ).

Нѣтъ, не любить - разлюбила!

526

МАЛЬВОЛІО. Дуракъ!

ДУРАКЪ (поетъ).

Ой, за что жъ тебя забыла?

МАЛЬВОЛІО. Дуракъ, говорю я.

ДУРАКЪ (поетъ).

Знать, другого полюбила!

МАЛЬВОЛІО. Душа моя, дуракъ, если ты хочешь крѣпко обязать меня, достань мнѣ свѣчку, перо, бумагу и чернила. Какъ честный человѣкъ, я во всю жизнь буду тебѣ благодаренъ.

ДУРАКЪ. Господинъ Мальволио...

МАЛЬВОЛІО о. Да, любезный дуракъ.

ДУРАКЪ. Ахъ, сударь, какъ это вы лишились вашихъ пяти чувствъ?

МАЛЬВОЛІО. Дуракъ! никогда и никого еще не обижали такъ жестоко. Я такъ же хорошо владѣю моими чувствами, какъ и ты, дуракъ.

ДУРАКЪ. Только такъ? Такъ ты, право, не въ своемъ умѣ, если твои чувства не лучше моихъ, дурацкихъ.

МАЛЬВОЛІО. Они заперли меня здѣсь, держатъ въ потьмахъ, присылаютъ ко мнѣ поповъ, ословъ и всѣми средствами стараются лишить меня разсудка.

ДУРАКЪ. Подумайте, что вы говорите: патеръ, вѣдь, здѣсь. (*Перемѣнивъ голосъ.*) «Мальволио! Мальволио! да возстановитъ Небо твой разсудокъ. Постарайся заснуть и перестань врать пустяки».

МАЛЬВОЛІО. Батюшка...

ДУРАКЪ. «Не заводи съ нимъ рѣчей, сынъ мой». - Кто я?, отецъ Спиридонъ? Нѣтъ, ни за что! Господь съ вами! «Аминь.» Да будетъ такъ.

МАЛЬВОЛІО. Дуракъ! дуракъ!

ДУРАКЪ. Что съ вами - успокойтесь! Меня бранятъ за то, что я съ вами разговариваю.

МАЛЬВОЛІО. Душенька-дуракъ, достань мнѣ огня и бумаги. Увѣряю тебя, я не безумнѣе кого другого въ Иллиріи.

ДУРАКЪ. Если бъ это была правда, Господи!

МАЛЬВОЛІО. Какъ честный человѣкъ, это правда! Достань мнѣ, милый дуракъ, чернила, свѣчу и бумаги и передай графинъ, что я напишу: тебѣ дадутъ за это больше, чѣмъ когда-нибудь давали почтальону.

ДУРАКЪ. Достану, такъ и быть; но скажите мнѣ по правдѣ: вы точно сошли съ ума или только такъ - притворяетесь?

МАЛЬВОЛЮ. Повѣрь же, что нѣтъ: я говорю правду.

ДУРАКЪ. Помѣшанному я не повѣрю, не видѣвъ его мозга. Сейчасъ принесу вамъ свѣчу, бумагу и чернила.

МАЛЬВОЛЮ. Дуракъ, я щедро награжу тебя. Пожалуйста, иди. (*Дуракъ уходитъ.*)

Сцена III.

Садъ Оливіи.

Входитъ СЕБАСТІАНЪ.

СЕБАСТІАНЪ.

Вотъ свѣтлый фебъ, вотъ воздухъ, вотъ земля,
Вотъ перстень, что она мнѣ подарила!
Онъ предо мной: я чувствую его,
Хотя я и опутанъ волшебствомъ.
Но это не безумство. Гдѣ Антоньо?
Я не нашелъ въ гостинницѣ его;
Но онъ былъ тамъ: хозяинъ мнѣ сказалъ,
Что въ городъ онъ пошелъ меня искать.
Теперь его совѣтъ мнѣ былъ бы дорогъ,
Какъ золото. Разсудокъ въ ссорѣ съ чувствомъ;
Хоть я и почитаю все ошибкой,
А не безумствомъ; но приливъ фортуны
Такъ безпримѣренъ, такъ непостижимъ,
Что я готовъ глазамъ своимъ не вѣрить.
Я долженъ спорить съ собственнымъ умомъ:
Онъ говоритъ, что кто-то здѣсь безумный.
Она - въ умѣ, и это ясно: какъ
Иначе управлять бы ей прислугой,
Давать приказы, принимать пословъ –
И все такъ тихо, твердо и умно?
Тутъ что-то есть - обманъ. Но вотъ она!

Входитъ Оливія съ Священникомъ.

Оливія.

Прости мою поспѣшность! Если ты
Желаешь мнѣ добра - пойдѣмъ со мною:
Въ часовнѣ, что недалеко отсюда,
Ты передашь духовному отцу
Святую клятву вѣчнаго союза -
И успокоится въ моей груди
Отъ страха замирающее сердце.
Онъ въ тайнѣ сохранить нашъ бракъ,
Пока ты объявить о немъ захочешь -
И свадьбу мы отпразднуемъ тогда

Прилично сану моему. Что скажешь?

СЕБАСТІАНЪ.

Я клятву вѣрности готовъ произнести
И вѣчно сохранять ее въ моей груди.

ОЛИВІА (*священнику*).

Веди же насъ, отецъ. Насъ Богъ благословить
И благодать его союзъ нашъ осѣнить.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена I.

Улица передъ домомъ Оливіи.

Входятъ ДУРАКЪ и ФАБІАНЪ.

ФАБІАНЪ. Если ты меня любишь, покажи мнѣ письмо его.

ДУРАКЪ. Любезный Фабіанъ, сдѣлай мнѣ за то другое одолженіе.

527

ФАБІАНЪ. Все, что ты хочешь.

ДУРАКЪ. Не требуй этого письма.

ФАБІАНЪ. То-есть ты даришь мнѣ собаку и въ награду требуешь ее назадъ.

Входятъ: ГЕРЦОГЪ, ВІОЛА, КУРІО и свита.

ГЕРЦОГЪ. Вы люди графини Оливіи?

ДУРАКЪ. Точно такъ: мы часть ея домашней утвари.

ГЕРЦОГЪ. Тебя-то я хорошо знаю. Каково поживаешь, молодецъ?

ДУРАКЪ. По правдѣ сказать, съ врагами лучше, чѣмъ съ друзьями.

ГЕРЦОГЪ. Нѣтъ, съ друзьями лучше.

ДУРАКЪ. Нѣтъ, государь, хуже.

ГЕРЦОГЪ. Какъ же это?

ДУРАКЪ. Да вотъ какъ: друзья хвалятъ меня и дѣлаютъ изъ меня осла, а враги прямо говорятъ мнѣ, что я осель. Слѣдственно, съ врагами я научаюсь самопознанію, а друзья меня надуваютъ. Итакъ, если умозаключенія похожи на поцѣлуи и если четыре отрицанія составляютъ два утвержденія, то чѣмъ больше друзей, тѣмъ хуже, чѣмъ больше враговъ, тѣмъ лучше.

ГЕРЦОГЪ. Хорошо! прекрасно!

ДУРАКЪ. Нѣтъ, государь, право нѣтъ, хоть вамъ и угодно быть однимъ изъ моихъ друзей.

ГЕРЦОГЪ. Отъ моей дружбы тебѣ хуже не будетъ: вотъ тебѣ червонецъ.

ДУРАКЪ. Если вамъ не нужно сдѣлаться для этого двойникомъ, такъ не мѣшало бы удвоить.

ГЕРЦОГЪ ъ. О, ты даешь мнѣ худой совѣтъ!

ДУРАКЪ. На этотъ разъ спрячьте, государь, вашу щедрость въ карманъ - и да повинуются ей ваша кровь и тѣло!

ГЕРЦОГЪ. Такъ и быть, согрѣшу вдвойнѣ.

ДУРАКЪ. *Primo, secundo, tertio* – и тогда будетъ ладно. Старая пословица говоритъ: безъ троицы домъ не строится; тактъ въ три четверти – веселый тактъ; колоколь, созывающій на молитву, можетъ васъ убѣдить въ томъ: онъ всегда звонитъ – динь! динь! динь!

ГЕРЦОГЪ. Этой шуткой ты не выманишь больше денегъ изъ моего кармана. Если тебѣ угодно доложить графинѣ, что я желаю съ ней говорить и проводишь ее сюда, такъ это вернѣ пробудитъ мою щедрость.

ДУРАКЪ. Пусть же почиваетъ, пока я ворочусь. Я иду, государь. Однако, вы не должны думать, что моя любовь къ золоту есть сребролюбіе. Щедрость ваша пусть немного вздремнетъ - и я ее разбужу. (*Уходитъ.*)

Входятъ АНТОНІО *и полицейскіе.*

ВІОЛА.

Вотъ, государь, спаситель мой идетъ.

ГЕРЦОГЪ.

Его лицо знакомо мнѣ, хотя
Въ послѣдній разъ я видѣлъ его чернымъ,
Запачканнымъ въ дыму, какъ у Вулкана.
Онъ былъ начальникомъ на плоскодонномъ
Ничтожномъ кораблѣ и такъ жестоко,
Такъ разрушительно схватился съ лучшей,
Сильнѣйшей частью флота моего,
Что даже зависть и языкъ потери
Ему и честь, и славу отдавали.
Въ чемъ дѣло?

1-й ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Государь, вотъ тотъ Антоніо,
Который Феникса, съ богатымъ грузомъ
Къ намъ плывшаго изъ Кандіи, схватилъ.
Вотъ тотъ, который полонилъ Орла,
При чемъ погибъ вашъ молодой племянникъ.
Сейчасъ его на дерзкомъ поединкѣ
Мы здѣсь въ одной изъ улицъ захватили.

ВІОЛА.

Онъ шпагу мнѣ въ защиту обнажилъ,
Но подъ-конецъ заговорилъ такъ странно,
Что я сочла слова его за бредъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ославленный пиратъ, воръ океана,
Что за безумная отвага предала
Тебя во власть людей, которыхъ кровью
Къ себѣ вражду навѣкъ запечатлѣлъ?

АНТОНІО.

Орсино, благородный государь,
Позвольте сбросить эти имена:
Антоніо не воръ и не пиратъ,
Хотя и былъ врагомъ твоимъ суровымъ.
Сюда меня волшебство завлекло,
При чемъ изъ грозной пасти злого моря
Я юношу безчувственного спасъ.
Вотъ онъ! Онъ былъ уже добычей смерти;
Но жизнь ему я смѣло подарилъ,
А съ ней и страсть безъ мѣры и границы,
Со всей ея горячей полнотой.
Я для него, мнѣ милаго, рѣшился
Вступить сюда, въ враждебный этотъ городъ
И за него же шпагу обнажилъ.
Когда жъ меня схватили, онъ, презрѣнный,
Не захотѣвъ со мною раздѣлить
Моей бѣды, отрекся отъ меня.
Тогда онъ тотчасъ сталъ мнѣ вовсе чуждъ,
Какъ вещь, погибшая въ волнахъ морскихъ.
Онъ отказалъ мнѣ въ кошелькѣ моемъ,
Что я вручилъ ему за полчаса.

ВІОЛА.

Но какъ могло случиться это все?

ГЕРЦОГЪ.

Когда же къ намъ онъ въ городъ возвратился?

АНТОНІО.

Сегодня утромъ, славный государь.
Три мѣсяца мы были неразлучны,

Не разставались ни на полминуты
Ни днемъ, ни ночьюю.

Входитъ Оливія со свитой.

ГЕРЦОГЪ.

Вотъ идетъ графиня!
На землю къ намъ спустились небеса!
Ты говоришь, какъ сумасшедшій: онъ
Три мѣсяца ужъ служить у меня.
Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ.
Теперь же съ нимъ посторонись скорѣй.

ОЛИВІЯ.

Что вамъ угодно, славный государь?
Оливія готова вамъ служить
Во всемъ и всѣмъ, съ однимъ лишь исключеньемъ.
Цезарію, ты слова не сдержалъ.
Ну, что сказать въ отвѣтъ на это можешь?

ВІОЛА.

Мой повелитель хочетъ говорить -
И я молчу...

ОЛИВІЯ.

Когда запѣть хотите
На старый ладъ, то я отвѣчу вамъ,
Что это слуху моему противно,
Какъ послѣ музыки - вытье.

ГЕРЦОГЪ.

Попрежнему жестока.

ОЛИВІЯ.

Постоянна
Попрежнему.

ГЕРЦОГЪ.

Въ жестокости? Увы,
Неумолимая красавица, на твой
Алтарь неблагодарный приносилъ я
Души моей священнѣйшія жертвы -
И все напрасно? Что же дѣлать мнѣ?

ОЛИВІЯ.

Что вы почтете болѣе приличнымъ.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ почему жъ бы мнѣ не умертвить
Того, что для меня всего милѣе,
Какъ египтянинъ тотъ, который въ часъ

Кончины злой убилъ свою подругу?
И развѣ необузданная ревность
Не на границѣ благородства? Слушай:
Ты вѣрностью моей не дорожишь,
А тотъ, кто вытѣснилъ меня изъ сердца
И изъ любви твоей - того я знаю.
Ты, непреклонная, ты будешь жить,
Но этого любимца твоего -
Котораго и я люблю не меньше -
Его я оторву отъ гордыхъ взоровъ,
Гдѣ, государю своему на зло,
Онъ царствуетъ! Цезарію, пойдѣмъ!
До зла моя рѣшительность дозрѣла:
Я умерщвлю любимаго ягненка,
Чтобъ растерзать въ голубкѣ сердце злое.

ВЮЛА.

Я тысячу смертей готовъ принять,
Чтобъ вамъ покой и утѣшенье дать.

ОЛИВІЯ.

Цезарію, куда?

ВЮЛА.

За государемъ,
Котораго люблю, какъ свѣтъ очей,
Какъ жизнь, какъ счастье души моей -
Люблю такъ страстно, горячо и сильно,
Какъ женщину мнѣ не любить. Всесильный,
Когда я лгу, права святой любви
Ты смертью отомсти въ моей крови!

ОЛИВІЯ.

О, я несчастная, онъ обманулъ меня!

ВЮЛА.

Кто обманулъ васъ, кто васъ оскорбилъ?

ОЛИВІЯ.

Давно ли? Иль себя ты позабылъ?
Позвать священника! (Слуга уходитъ.)

ГЕРЦОГЪ.

Пойдемъ! За мной!

ОЛИВІЯ.

Куда, супругъ - Цезаріо мой милый?

ГЕРЦОГЪ.

Супругъ?

ОЛИВІЯ.

Супругъ! Ты можешь ли отречься?

ГЕРЦОГЪ.

Ты мужъ ея?

ВІОЛА.

Нѣтъ государь, не я.

ОЛИВІЯ.

О, это страхъ твой рабскій говоритъ!
Отъ собственности отказаться онъ
Тебѣ внушилъ! Цезаріо, не бойся -
Не отвергай фортуны! Будь открыто
Тѣмъ, чѣмъ ты сталъ, чего достигъ ты втайнѣ -
И ты великъ, какъ то, чего боишься.

Входитъ Священникъ.

ОЛИВІЯ.

Добро пожаловать! Я заклинаю
Твоимъ священнымъ саномъ: объяви,
Что съ этимъ юношей я совершила
Въ твоемъ присутствіи. Хотя недавно
Мы въ тайнѣ думали все сохранить,
Но случай все теперь разоблачаетъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Союзъ любви вы предо мной свершили;
Онъ укрѣплень соединеньемъ рукъ,
Онъ утверждень размѣномъ вашихъ колець,
Запечатлѣнъ священнымъ поцѣлуемъ;
Всѣ жъ брачные обряды скрѣплены
Моей рукой. И вотъ двумя часами
Съ тѣхъ поръ я ближе къ гробу моему.

ГЕРЦОГЪ.

Чѣмъ будешь ты, лукавое созданье,
Когда тебя покроетъ сѣдина?

Иль ты до старости не доживешь
И жертвой лжи губительной падешь?
Она твоя: ты можешь наслаждаться;
Но берегись, чтобъ намъ не повстрѣчаться!

ВЮЛА.

Клянусь вамъ, государь!

ГЕРЦОГЪ.

О, не клянись
И сохрани хоть каплю чести чистой
Среди избытка страха своего!

Входитъ сэръ Андрей съ головой въ крови.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Ради Господа-Бога, пошлите за цырюльникомъ! Ради всѣхъ святыхъ, фельдшера сэру Тоби!

ОЛИВІЯ. Что такое?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Онъ проломилъ мнѣ голову, да и Тоби не даромъ обошлось. Ради Господа Бога, помогите! Ничего не пожалѣю, чтобъ быть только дома!

ОЛИВІЯ. Кто же это надѣлалъ, сэръ Андрей?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Придворный графа, какой-то Цезаріо. Мы думали, что онъ трусь, а онъ вышелъ воплощенный дьяволь.

ГЕРЦОГЪ. Мой пажъ, Цезаріо?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Окаянный! Вотъ онъ! Вы ни за что, ни про что проломили мнѣ голову; а что я надѣлалъ, тому научилъ меня сэръ Тоби.

ВЮЛА.

Что нужно вамъ? Я васъ не трогалъ, сударь!
Вы сами шпагу первый обнажили,
А я вамъ ласковымъ отвѣтилъ словомъ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Если пробитая голова называется раной, такъ вы меня поранили. Да вы, кажется, и дыру въ головѣ считаете ни во что?

Дуракъ вводитъ пьянаго СЭРА ТОБИ.

СЭРЪ АНДРЕЙ. Вотъ и сэръ Тоби прихрамываетъ; онъ вамъ еще кое-что поразскажетъ. Не хватилъ лишняго, онъ бы заставилъ васъ иначе проплясать.

ГЕРЦОГЪ. Ну, Тоби, что съ вами?

СЭРЪ ТОБИ. Одинъ чортъ на дьяволѣ. Ранить - и баста! Болванъ, не видалъ ли ты Ваньку-цырюльника болвана?

ДУРАКЪ. Вотъ уже съ часъ, какъ онъ пьянь, и глаза его закатились въ восемь часовъ утра.

СЭРЪ ТОБИ. Вотъ скотъ и мерзавецъ. Я ненавижу этого пьянаго скота.

ОЛИВІЯ. Уведите его. Кто это такъ ихъ отдѣлалъ?

СЭРЪ АНДРЕЙ. Я помогу тебѣ, Тоби; пусть насъ перевяжутъ вмѣстѣ.

СЭРЪ ТОБИ. Ты хочешь помогать? Ахъ, ты, осель, болванъ, дуракъ, ступа ты мѣдная!

ОЛИВІЯ. Уложите его въ постель, да перевяжите рану.

(Дуракъ, Фабіанъ, сэръ Андрей и сэръ Тоби уходятъ.)

Входитъ СЕБАСТІАНЪ.

СЕБАСТІАНЪ.

Мнѣ очень жаль, что вашего родного,
Графиня, ранилъ я. Но будь онъ братъ мой,
Я, ради безопасности моей,
Не могъ съ нимъ поступить иначе. Вижу
Изъ вашихъ глазъ, что вы оскорблены.
Простите же, прекрасная графиня,
Хоть ради клятвъ, что мы другъ другу дали.

ГЕРЦОГЪ.

Одно лицо, одна одежда, голосъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ двое! Точно тѣнь,
Которая и есть, и нѣтъ.

СЕБАСТІАНЪ.

Мой милый,
Мой дорогой Антонъ, какъ терзали
Меня часы съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!

АНТОНІО.

Ты ль это, другъ?

СЕБАСТІАНЪ.

Иль можешь сомнѣваться?

АНТОНІО.

Но какъ же ты надвое раздѣлился?
Вы, какъ двѣ капли, сходны межъ собой,
И кто жъ - Себастианъ?

ОЛИВІЯ.

Непостижимо!

СЕБАСТІАНЪ.

Не я ли то? Я брата не имѣлъ
И нѣтъ во мнѣ божественной той силы,
Чтобъ вездѣсущимъ быть. Моя жъ сестра...
Ее валы морскіе поглотили.
(Віоль.) О, ради Бога, не родные ль мы?
Откуда вы? какъ звать васъ, мнѣ скажите?

ВІОЛА.

Моя отчизна островъ Метелинь;
Отець мой назывался Себастьяномъ,
И былъ когда-то у меня такой же
И братъ Себастьянъ. Въ такой же точно
Одеждѣ онъ пошелъ на дно морское,
И если духи могутъ на землѣ
Присвоивать лицо и одѣянье,
Такъ ты пришелъ насъ страхомъ поразить.

СЕБАСТІАНЪ.

Я точно духъ, но только облеченный
Какъ всѣ костями и мясомъ естества.
Будь женщиной - и на твои ланиты
Я пролилъ бы слезу, сказавъ: «Віола,
Погибшая, будь вновь моей сестрой!»

ВІОЛА.

У моего умершаго отца
Надъ правой бровью былъ рубецъ глубокій.

СЕБАСТІАНЪ.

И мой отецъ имѣлъ такой же знакъ.

530

ВІОЛА.

Онъ умеръ въ день рожденія Віолы,
Когда ей минуло тринадцать лѣтъ.

СЕБАСТІАНЪ.

О, этотъ часъ живетъ въ моей душѣ!
Да, смертное свое онъ кончилъ дѣло,
Когда сестрѣ тринадцать лѣтъ минуло.

ВІОЛА.

Итакъ, одно мужское одѣянье
Мѣшаетъ намъ быть счастливыми вновь?
Но ты меня не обнимай: сперва
Пусть время, обстоятельства и мѣсто
Докажутъ, что Віола предъ тобой.
Я къ капитану поведу тебя -
Онъ тутъ неподалеку; у него
Одежда женская сохранена,

И - имъ спасенная - я поступила
На службу благороднаго Орсино.
Все, что съ тѣхъ поръ со мной случилось здѣсь,
Относится къ графинѣ и къ Орсино.

СЕБАСТІАНЪ.

Такъ, стало-быть, графиня, вы ошиблись?
Но васъ не обмануль природы голосъ:
Супругой дѣвушки вы захотѣли быть -
И, я клянусь, что вы не промахнулись:
Вашъ мужъ невиненъ, какъ его сестра.

ГЕРЦОГЪ.

Не изумляйтесь: кровь въ немъ благородна.
Когда все это правда, а не сонъ,
Такъ есть и моего частица счастья
Въ разбитомъ кораблѣ. (*Виоль.*) Ты говорилъ
Не разъ, а тысячу, что не полюбишь
Такъ женщину безгранно, какъ меня?

ВІОЛА.

И всѣ слова мои да будутъ клятвы,
И ихъ я твердо сохраню въ душѣ,
Какъ сводъ небесный звѣзды сохраняеть
И солнце, и луну.

ГЕРЦОГЪ.

Подай же руку;
Дай въ женскомъ платьѣ на тебя взглянуть.

ВІОЛА.

Оно сохранено у капитана,
Который высадилъ меня на берегъ,
По жалобѣ Мальволио онъ взятъ
Подъ стражу.

ОЛИВІА.

Чтобъ сейчасъ
Ему была возвращена свобода!
Мальволио пускай придетъ сюда.
Теперь я только вспомнила: бѣдняга,
Какъ говорятъ, совсѣмъ сошелъ съ ума.

Входятъ ДУРАКЪ съ письмомъ и ФАБИАНЪ.

ОЛИВІА.

Но я сама была въ такомъ разстройствѣ,

Что о его безумствѣ позабыла.

Что съ нимъ, друзья? Скажите, что съ нимъ случилось?

ДУРАКЪ. Да что, графиня, онъ борется съ чортомъ, какъ только можетъ человѣкъ въ его обстоятельствахъ. Вотъ онъ написалъ вамъ письмо, которое я долженъ былъ отдать вамъ еще утромъ; но такъ какъ письма сумасшедшихъ не евангеліе, то все равно, когда ихъ ни отдашь.

ОЛИВІЯ. Открой же его и прочти.

ДУРАКЪ. Поучайтесь же: дуракъ читаетъ посланіе сумасшедшаго! Ей-богу, графиня...

ОЛИВІЯ. Съ ума ты сошелъ?

ДУРАКЪ. Нѣтъ, графиня, я только передаю слова сумасшедшаго. Если вамъ угодно, чтобъ я читалъ съ чувствомъ, такъ вы не должны меня перебивать.

ОЛИВІЯ. Пожалуйста, читай съ толкомъ.

ДУРАКЪ. Я такъ и сдѣлаю, мадонна. Но чтобъ вычитать изъ него здравый смыслъ, такъ надо читать по-моему. Внимайте же, моя принцесса.

ОЛИВІЯ. Фабіанъ, прочти ты.

ФАБИАНЪ (*читаетъ*). «Ей-богу, графиня, вы меня обидѣли - и міръ объ этомъ узнаетъ. Хотя вы и заперли меня въ темную яму и поручили смотрѣть за мною вашему пьяному дядюшкѣ, но я такъ же въ умѣ, какъ и вы. Въ рукахъ моихъ ваше письмо, которое побудило меня вести себя такимъ образомъ, и я увѣренъ, что могу имъ себя оправдать, а васъ пристыдить. Думайте обо мнѣ, что угодно, на время я забываю должное почтеніе и говорю, какъ обиженный. Почитаемый за сумасшедшаго *Мальволио*.»

ОЛИВІЯ. Это онъ писалъ?

ДУРАКЪ. Да, графиня.

ГЕРЦОГЪ. Это не похоже на сумасшествіе.

ОЛИВІЯ.

Отдай ему свободу, Фабіанъ,
И приведи сюда къ намъ поскорѣе.
Когда угодно вамъ, мой государь,
Любить во мнѣ сестру, а не супругу,
Позвольте предложить, чтобъ день одинъ
Въ моемъ дворцѣ двѣ свадьбы увѣнчалъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я принимаю ваше предложеніе.
(*Віоль.*) Твой государь даетъ тебѣ свободу.
За службу же тяжелую твою -
Тяжелую для робости жены,
Привыкшей къ попеченіямъ нѣжнѣйшимъ -
Прими мою ты руку и отнынѣ
Будь государемъ государя.

ОЛИВІЯ.

Да,
Ты мнѣ сестра!

531

ФАБИАНЪ *возвращается съ* МАЛЬВОЛЮ.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ это сумасшедшій?

ОЛИВІЯ.

Да, государь. Мальвольо, что съ тобой?

МАЛЬВОЛЮ.

Графиня, вы обидѣли меня,
Обидѣли жестоко.

ОЛИВІЯ.

Я? нисколько!

МАЛЬВОЛЮ.

Графиня, да. Прочтите эти строки:
Вы не откажетесь отъ вашихъ словъ:
Пишите иначе, когда возможно,
Перемѣните слогъ и форму буквъ;
Скажите, что печать и эти мысли
Не вамъ принадлежать. Ихъ отрицать
Не въ состояннн вы! Итакъ, признайтесь,
Зачѣмъ такъ ясно высказали вы
Свою любовь и приказали мнѣ
Являться къ вамъ съ улыбкой неизмѣнной,
Съ подвязками, завязанными на-крестъ,
Обутымъ въ желтые чулки? Зачѣмъ
Вы приказали обращаться гордо
Съ прислугой, съ сэромъ Тоби? И когда
Я все съ покорной выполнялъ надеждой,
Зачѣмъ велѣли вы меня схватить,
Замкнули въ тьму, прислали мнѣ попа
И сдѣлали шутомъ и дуракомъ
Глупѣйшимъ, надъ которымъ умъ смѣялся?
Скажите мнѣ зачѣмъ?

ОЛИВІЯ.

Ахъ, мой любезный!
Вѣдь, это не моя рука, хоть точно

Съ моею очень сходна. Безъ сомнѣнья,
Письмо писала Марья. И теперь
Припоминаю я: она сказала
Мнѣ первая, что ты сошелъ съ ума;
Потомъ явился ты съ своей улыбкой,
Въ чулкахъ, расхваленныхъ въ твоёмъ письмѣ.
Но успокойся же; съ тобой сыграли
Презлую шутку, и когда откроемъ
Зачинщиковъ, въ своёмъ же дѣлѣ
Ты будешь и судьёю, и истцомъ.

Ф А Б І А Н Ъ .

Графиня, въ часъ благой и свѣтлый тотъ,
Блестящій радостью, пусть не мрачатъ
Ни жалоба, ни будущая ссора.
Съ такимъ желаньемъ сознаюсь я смѣло,
Что выдумали это я и Тоби
Противъ Мальволио, чтобъ проучить
Его за грубость обращенья. Онъ
Намъ надоѣлъ. Письмо писала Марья
По настоянью сэра Тоби: онъ
Посватался на ней за то въ награду.
Но въ шуткѣ злой веселости такъ много,
Что, право, смѣхъ ей болѣе къ лицу,
Чѣмъ мщеніе; къ тому жъ и оскорбленій
Начтется поровну для каждой стороны.

О л и в і я . Бѣдняжка, какъ одурачили тебя!

Д у р а к ъ . Да: «одни рождаются великими, другіе приобрѣтаютъ величіе, а инымъ его бросаютъ.» Игралъ и я роль въ этой комедіи, милостивые государи, роль нѣкоего отца Спиридона. Да, впрочемъ, все-равно. «Ей-богу, дуракъ, я не сумасшедшій!» Да, помните ли вы еще? «Я удивляюсь, ваше сіятельство, какъ вы можете находить удовольствіе въ шуткахъ такого бездарнаго мерзавца: если вы не смѣтаете, такъ у него ротъ зашить.» Такъ-то колесо времени приноситъ свое возмездіе.

М а л ь в о л и о .

Я отомщу всей вашей шайкѣ! (*Уходитъ.*)

О л и в і я .

Ахъ, какъ надъ нимъ жестоко насмѣялись!

Г е р ц о г ъ .

Догнать его - уговорить на миръ:
Онъ долженъ рассказать о капитанѣ.
Когда узнаемъ все, для насъ наступитъ
Златое время сочетанья душъ

На брачномъ торжествѣ. А между тѣмъ
Я остаюсь у васъ въ гостяхъ, сестрица.
Цезаріо, пойдѣмъ! Ты будешь имъ,
Пока ты мужъ: перемѣни костюмъ -
И будь любви моей царица! (*Всѣ уходятъ.*)

ДУРАКЪ (*оставшись одинъ, поетъ*).

Какъ я еще мальчишкой былъ,
Ай люли! да тра-ла-ла-ла!
Глупецъ глупцомъ все былъ да былъ,
А я все пѣлъ: ай тра-ла-ла!
Потомъ, когда я взрослымъ сталъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Отъ вора дверь я запираю,
А самъ все пѣлъ: ай тра-ла-ла!
Когда же я, увы, женился!
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Я съ праздностью моей простился,
Но все же пѣлъ: ай тра-ла-ла!
И помню, разъ, когда напился,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И въ грязной ямѣ очутился,
Не унывая пѣлъ: тра-ла!
Давно ужъ созданъ глупый свѣтъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И я бы могъ еще пропѣть.
Да нѣтъ, ужъ спать пора.

(*Уходитъ.*)

А. Кронебергъ.

532

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ДВѢНАДЦАТОЙ НОЧИ».

Дѣйствіе I, сцена I.

ГЕРЦОГЪ.

*О, какъ она полюбитъ, если сонмъ
Живущихъ въ ней желаній умертвитъ*

Стрѣла золотая...

т.-е. стрѣла Купидона.

Тамъ же, сцена III.

СЭРЪ АНДРЕЙ. ...*Вотъ моя рука.*

МАРІЯ. ...*Прошу васъ сударь, снесите ее въ буфетъ, пусть она напьется.*

СЭРЪ АНДРЕЙ. *Это зачѣмъ? Что значитъ эта метафора?*

МАРІЯ. *Она суха.*

Въ подлинникѣ здѣсь и далѣе до ухода Маріи, не переводимая игра словами hand – рука и dry – сухой и вмѣстѣ колкій, жесткій, язвительный (что очень подходит къ слову шутка, сухая или колкая шутка). Сухая же рука считается признакомъ умственной и тѣлесной слабости. Такимъ образомъ Марія, говоря что у сэра Андрея сухая рука, признаетъ его ничего не стоящимъ человѣкомъ.

Тамъ же, сцена III.

СЭРЪ ТОБИ. ..*Зачѣмъ завѣса опущена предъ этими дарами? Или ты боишься, чтобъ они не запылились, какъ картины мистриссъ Малль?*

Въ XVI вѣкѣ было въ обычаѣ у англичанъ прикрывать картины особыми занавѣсками, большею частью изъ зеленой тафты съ золотою бахромою. Обычай этотъ вошелъ во всеобщее употребленіе, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ домахъ многихъ знатныхъ баръ и даже просто зажиточныхъ гражданъ можно было часто видѣть на стѣнахъ картины самаго неприличнаго содержанія. Это предположеніе еще болѣе подтверждается упоминаніемъ здѣсь имени «мистриссъ Малль». Подъ этимъ именемъ комментаторы Шекспира разумѣютъ одну изъ знаменитѣйшихъ въ Шекспирово время публичныхъ женщинъ – Мэри Эмбри, которая постоянно являлась въ обществѣ въ мужскомъ платьѣ, всегда носила при себѣ оружіе и, какъ извѣстно, принимала самое дѣятельное участіе въ осадѣ Гонта (въ 1584 г.). Вмѣстѣ съ другою, подобною же женщиною, Малли Кютперзъ, она являлась не разъ важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комедіяхъ Шекспировыхъ современниковъ, и впослѣдствіи явилась одною изъ любимѣйшихъ героинь въ англійскихъ народныхъ балладахъ.

Тамъ же, сцена V.

ДУРАКЪ. ...*Ибо что говорить Квинапаль?*

Дуракъ сочиняетъ здѣсь имя, небывалого древняго мудреца которому и приписываетъ слѣдующее далѣе изреченіе.

Дѣйствіе II, сцена I.

АНТОНИО. *Если ты не хочешь убить меня за мою дружбу, позволь мнѣ быть твоимъ слугою.*

Мѣсто – совершенно непонятное безъ того объясненія, которое мы находимъ въ одномъ изъ повѣрій, весьма сильно укорѣнившихся въ Шотландіи и особенно на прилегающихъ къ ней группахъ острововъ.

«Кто спасаетъ утопающаго», - говорятъ тамъ въ народѣ: - долженъ ожидать отъ него большой бѣды на свою голову».

Основаніе повѣрья, по понятіямъ народа, чрезвычайно логическое: избавляя утопающаго отъ гибели, на которую онъ обреченъ приговоромъ судьбы, спасающій какъ бы самъ накликаетъ на себя бѣдствіе, предназначенное судьбою другому.

Тамъ же, сцена V.

МАЛЬВОЛЮ. ...Вспомни... кто всегда желалъ тебя видѣть съ на-крестъ застегнутыми подвязками.

Здѣсь Шекспиръ упоминаетъ о современной модѣ.

Дѣйствіе III, сцена II.

МАРІЯ. Едва улыбнется онъ, какъ на лицѣ его является больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ обѣими Индіями.

Шекспиръ здѣсь упоминаетъ о картѣ, которая была въ его время однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области географіи. Карта эта вышла въ 1598 году и дѣйствительно была покрыта множествомъ пересѣкающихся по разнымъ направленіямъ линій, назначеніе которыхъ отгадать довольно трудно. Подъ именемъ *обѣихъ Индій*, Шекспиръ разумѣлъ здѣсь *Остъ-Индію* и *Вестъ-Индскіе* острова Америки.

Тамъ же, сцена IV.

СЭРЪ ТОБИ. ..свяжемъ его и засадимъ въ темную комнату.

Цѣпи и темныя коморки были въ Шекспирово время единственными средствами, какія употреблялись для укрощенія сумасшедшихъ; впрочемъ, лѣченіе этихъ несчастныхъ и обращеніе съ ними значительно измѣнились къ лучшему не ранѣе конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка.

Дѣйствіе V, сцена I.

ГЕРЦОГЪ.

*Такъ почему жъ бы мнѣ не умертвить
Того, что для меня всего милѣе,
Какъ египтянинъ тотъ, который въ часъ
Кончины злой убилъ свою подругу?*

Здѣсь говорится о египетскомъ тиранѣ Гламисѣ, который, чувствуя приближеніе смерти, убилъ свою возлюбленную Хараклею.